Все мы только гости

Автор:
Евгения Горская

Все мы только гости

Евгения Горская

Все в этом городе было для нее родным: старый бабушкин дом, сад, соседи… Здесь Лина встретила свою первую любовь и испытала первое разочарование, увидев Костю целующимся с ее подругой Тамарой… Лина вернулась сюда лишь спустя восемь лет. Она хотела побыть в одиночестве, но ее планы нарушил Павел, с которым девушка познакомилась в поезде… А Тамара, когда-то пытавшаяся соблазнить Костю, неожиданно оказалась под прицелом киллера и не придумала ничего лучше, чем прибежать за помощью к Лине. Как выяснилось, к Тамаре случайно попала информация о готовящемся покушении на мэра города, но она не учла: убийце не нужны свидетели! – и необдуманно подставила под удар еще и подругу… Павла неудержимо тянуло к Лине, но о чувствах пока пришлось забыть: девушку надо спасать. За ней явно следят…

Евгения Горская

Все мы только гости

Татьяна Устинова

Самое лучшее рядом, здесь и сейчас!

Вы любите путешествовать на поезде? Я вот страсть как люблю! Чтобы ехать далеко и пить поездной чай – вкус дальних странствий – из граненых стаканов в почерневших подстаканниках, обязательно с Дворцом Советов, чтобы была припрятана палка сухой колбасы и запеченная холодная курица – ну его, этот вагон-ресторан! Чтобы стоять у окна, и по карте угадывать названия редких деревень, и думать: «Широка же ты, страна моя родная!»

Почему так получается, что самое лучшее происходило с нами давным-давно и остается только в воспоминаниях? Иногда от этого становится очень грустно, но время от времени происходит чудо. Самое лучшее оказывается рядом, здесь и сейчас! Возьмите в руки роман «Все мы только гости», как это сделала я.

Евгения Горская заставила меня многое вспомнить, пережить заново – поездку на поезде в Светлогорск или на машине в Саратов, – и воспоминания эти получились какими-то необыкновенно легкими, светлыми, очень летними!.. Я точно знаю, что вызвать хоть какие-нибудь эмоции и отклик у читателей – задача не из легких. А у Евгении Горской получилось.

Я читаю «Все мы только гости», и мне… хочется так же, понимаете? Нет, не расследовать убийство! Хотя и против «приключения» я не возражаю, но именно такого… хорошего, «книжного», придуманного приключения! Приехать утречком в старый уездный город на поезде, отыскать бабушкин дом на узкой улочке, заросшей акациями, где в пыли лежит рыжая собака, побродить по Соборной площади, засыпанной шелухой от подсолнечника, вспомнить детство, а вечером пить чай с мятой и малиновым пирогом. У Евгении Горской получилась увлекательная, легкая, захватывающая и невыразимо летняя история. Читаешь книгу и чувствуешь запах яблок – из зазеркалья, со страниц.

Мастерство Горской еще и в том, что это не какая-нибудь милая бессюжетная история, а настоящий детектив – с погоней, похищением, освобождением и позабытым убийством. Вот уж точно ни на что подобное не рассчитывала Лина, когда решилась провести отпуск в старом доме своей покойной бабушки. Линина жизнь безнадежно разладилась, а здесь все и всегда было так успокоительно просто и легко – летние каникулы, первая любовь, подруги ее и бабушкины… Но чтобы обрести почву под ногами, придется многое преодолеть, справиться с невероятными и страшными откровениями, которым, казалось, не может быть места в этом тихом городке. И… найдется тот, кто спасет, когда спасения нет, и поддержит, когда падение неизбежно.

Удивительно, но в книге «Все мы только гости» угадывается настроение больших русских романов. Евгения Горская уместила в детектив современную энциклопедию разнообразнейших губительных страстей, созидательных любовей и ярких, живых, разноголосых героев. «Все мы только гости» читать интересно и… «припоминательно» – есть особое удовольствие находить в героях Горской черты классических персонажей: разлучница, добрый дядюшка, благородный рыцарь, старая тетка, у которой явно что-то на уме и верить ей нельзя. Читайте – радость одна!..

Благодаря Евгении Горской я знаю, что иногда нужно позволить себе вернуться в старый уездный двухэтажный городок, где прошли детство и юность, где влюблялись и мучились, где, как и миллион жизней назад, все стоит бабушкин дом с палисадником и яблоневым садом, а в темном, холодном подполе наверняка найдется банка клубничного варенья. Ну и тайна, разумеется!

Все мы только гости

Воскресенье, 1 июля

Поезд шел почти неслышно. Временами на фоне черноты летней ночи за окном появлялись огоньки, и Лина провожала их глазами. Нужно было лечь, хоть немного поспать, а она все смотрела в темное окно, стоя в коридоре.

Вагон СВ был почти пустым. Решение провести отпуск в бабушкином доме пришло неожиданно, спонтанно, ей так захотелось в старый русский городок, в яблоневый сад, на речку, что она взяла билет на первый же поезд, на который успевала. Остались билеты только в СВ. Цена впечатляла, но Лина не пожалела денег и купила билет.

Она не была в городе восемь лет, не считая тех двух суток, когда приезжала на похороны бабушки. Она проводила здесь все каникулы, и когда училась в школе, и потом, в институте. Здесь был ее второй дом.

Лина опять проследила за промелькнувшими огоньками, еще постояла, прислонившись лбом к стеклу, повернулась, встретилась взглядом с мужчиной из соседнего купе, который тоже почему-то не спал, и наконец вернулась в свое купе и улеглась на полку, зная, что не заснет.

Поезд прибыл ранним утром. Платформа оказалась низкой, Лина, ухватив неудобную, большую, наспех собранную сумку, неуклюже спускалась из вагона вслед за мужчиной, тем самым, что бодрствовал в соседнем купе.

– Давайте, – неожиданно повернулся к ней бывший попутчик. И, не дожидаясь, пока она ответит, легко перехватил ее сумку.

– Спасибо, – смутилась Лина.

– В гостиницу? Я могу вас подвезти, меня машина ждет.

Ему было лет сорок. Коротко стриженные волосы, глубокие морщины на лбу, твердый неулыбчивый взгляд – он совсем не походил на любителя легких знакомств. Впрочем, в ее жизни было не так много мужчин, чтобы она могла легко распознавать таких любителей.

– Спасибо, – отказалась Лина и добавила совсем ненужное: – У меня здесь дом. Бабушкин.

Этого говорить не стоило, какое ему дело, есть у нее тут жилье или нет.

– Ну давайте до дома подвезу.

– Спасибо. Мне недалеко. – Лина повесила сумку на плечо и, не оглядываясь, пошла по знакомой дороге.

Город делился на две части: старый, почти деревенский, застроенный добротными небольшими домами, утопающими в зелени фруктовых садов, и новый, похожий на любой старый московский микрорайон. Лина с детства помнила, как в «новом» городе соседям давали квартиры, а они не хотели уезжать от своих палисадников. Это было давно, еще при советской власти. Сейчас, скорее всего, никому никаких квартир не «дают».

Бабушка всегда приходила встречать ее к поезду, и когда Лина была совсем маленькой, и потом, уже студентку. Дома ее ждали обязательные пироги, заранее извлекались из подпола банки с любимым Лининым вареньем, а стол уже был накрыт белоснежной «парадной» скатертью.

Так остро, как сейчас, идя по пустым по раннему времени улицам, Лина ни разу не ощущала, что бабушки больше нет.

Свернув к дому, она не сразу заметила мужскую фигуру в зарослях вишни на соседнем участке. Сердце замерло еще до того, как она его узнала.

– Здравствуй, Лина.

Он изменился. Был мальчик, стал мужчина.

Нет, это в первую минуту ей показалось, что он изменился. К ней шагнул он, ее Костя, любимый, верный и надежный.

Костя, которого она так и не смогла забыть.

Совершенно посторонний человек.

– Здравствуй, Костя.

– Ты… изменилась.

Она пожала плечами – мы все меняемся.

– Ты стала очень красивая.

Она опять не ответила. Она и раньше не была дурнушкой, хотя сейчас вовсе не фотомодель.

– Надолго?

– Сама не знаю. Как получится. – Ей не хотелось на него смотреть, и она уставилась на россыпь красных вишневых ягод за его спиной.

– Лина… – Он дернулся к ней раньше, чем понял, что хочет ее обнять.

Она шагнула в сторону, обходя его на неширокой дороге.

– Я всегда тебя любил, – сказал он ей вслед. – Всегда.

Она восемь лет ждала этих слов. Мечтала о них и не надеялась.

Лина поставила сумку на землю, достала связку ключей и отперла калитку, с трудом заставляя себя не оглядываться на свою бывшую любовь.

Замок на калитку повесил папа, при бабушке она не запиралась. Лина постояла на крыльце, отперла дом, прошлась по комнатам, бросив сумку у входной двери. Здесь почти ничего не изменилось, и все-таки все было не так, как при бабушке. Нет белоснежной скатерти на обеденном столе, вместо старого бабушкиного холодильника стоит новый, Лина вспомнила, что родители в прошлом году его купили. Подоконники без комнатных растений казались пустыми, незнакомыми.

Она распахнула настежь окна, постояла, вдыхая чистый, какого никогда не бывает в Москве, воздух. Скинула босоножки, босиком прошлась по саду, с грустью замечая отсутствие хозяйского присмотра. Дождя давно не было, земля совсем засохла. Вечером все полью, решила Лина.

Сорвала с куста смородины крупные, спелые, очень сладкие ягоды. За восемь лет она успела забыть вкус настоящих, только что с куста плодов.

– Линочка! – С соседнего участка спешила к ней по дорожке тетя Клава Овсянникова. – Линочка! Что же не позвонила? Я бы пирогов напекла… Господи, а красавица-то какая стала.

– Тетя Клава. – Лина обняла старую бабушкину подругу и почувствовала, что неожиданно подступили слезы. – Как я соскучилась.

– А я-то как соскучилась. – Худая, высокая, почти без седины тетя Клава отстранилась, разглядывая ее. – Ты уж приезжай, Линочка, не забывай нас, стариков.

– Буду приезжать. – Самое страшное – увидеть чужого Костю – уже произошло, теперь Лине ничто не мешает приезжать сюда, как раньше, каждое лето.

– Родители-то приедут в этом году?

– Собираются. В августе.

– Вот хорошо, все мне повеселее будет. Ты надолго?

– Я в отпуск на две недели. Наверное, все время здесь пробуду. Как Сережа? – спохватилась Лина, вспомнив про тети-Клавиного сына.

– Что ему сделается, – поджала губы соседка. – Давай я тебе покушать принесу, или пойдем ко мне, завтраком накормлю. Пойдем, Линочка, я быстро на стол соберу, мигом.

– Спасибо, теть Клава. Не хочется с дороги.

– Ну смотри. А то заходи, есть не хочешь, хоть чаю выпьем.

– Потом, – пообещала Лина. – Обязательно. Когда осмотрюсь.

Они еще немного поговорили, и каждое сказанное ни о чем слово словно гнало время назад, когда еще здесь жила бабушка, а Лина верила своему Косте. Время словно повернуло вспять, а она, Лина, так и оставалась сегодняшней. Усталой, давно ничему не радующейся женщиной, приближающейся к тридцати годам.

Простившись с соседкой, Лина вернулась в дом, нашла в комоде белую скатерть, застелила стол на кухне, села на свое обычное место и заплакала, глядя на старый неухоженный сад.

На месте магазина, в который Лина когда-то каждый день ходила за хлебом, теперь располагался вполне современный супермаркет. Упаковывая продукты в полиэтиленовую сумку, Лина почти не обратила внимания на эффектную темноволосую женщину в ярком шелковом платье и босоножках на высоченных каблуках. Она узнала Тамару, только когда та ее окликнула.

– Ли-ина? Снизошла до нашей деревни? – улыбалась новая Тамара, приятно располневшая, умело накрашенная, яркая. Впрочем, она и раньше была яркая, смешливая, острая на язык.

Тамара, худенькая стройная девочка с черными волосами до плеч и необыкновенными восточными глазами.

Тамара, которую Костя целовал, забыв Лину.

– Здравствуй, Тома. – Лина представила себе, как она, бледная, ненакрашенная, уставшая после бессонной ночи, невыгодно смотрится рядом с роскошной Тамарой.

– Какими судьбами?

– В отпуск.

– Одна? А муж что же? Работает? Или один отдыхать поехал?

– Работает. А ты какими судьбами?

– А я тоже в отпуске, – засмеялась Тамара. – Так ты не сказала про мужа. Кстати, он кто? Богатый?

– Богатство – понятие относительное. – Лина подняла сумку и повернулась к выходу. – Я только сегодня приехала, Том. Устала. Извини.

– Я тебя провожу, – решила Тамара. – Ты работаешь?

– Да. – Лина перехватила сумку. Нужно было взять рюкзак, набитая только самым необходимым сумка оттягивала руку.

– Где?

– В иностранной компании. – Понимая, что бывшая подруга не отстанет, Лина пояснила: – В технической компании. Разработчиком.

– Разрабо-отчиком? Инженером, что ли? – Тамара критически оглядела Линины джинсы. Джинсы были дорогие, недавно купленные в Калифорнии во время очередной командировки. То есть это они в Москве считались дорогими, а в солнечном американском штате стоили сущие копейки.

– Можно и так сказать. Инженером. А ты?

– А платят как?

– Нормально платят. Как во всем мире.

Лапчатка, пробивающаяся вдоль асфальтовой дорожки, казалась нежным ковровым ворсом. Лина остановилась, скинула босоножки и, подхватив их свободной рукой, пошла босиком. Бабушка не разрешала ей бегать босиком, но внучка не слушалась и однажды так поранила о какую-то стекляшку ногу, что половину каникул проходила с повязкой.

– А я в областной администрации работаю.

Тамара жила в областном центре, а сюда приезжала на каникулы. Как все они, как Лина, как Костя. Только Лина приезжала из Москвы, а Костя из Питера. Тогда это был еще Ленинград.

Что Тамара, окончившаяся педагогическое училище, может делать в администрации, Лина не представляла. Впрочем, если где и можно представить работающую Тамару, так только при власти. Не за школьной же доской, в самом деле.

– А платят как? – улыбнулась Лина.

– Нормально платят, – засмеялась Тамара. – Лучше, чем во всем мире.

– Проходи. – Толкнув калитку, Лина пропустила ее вперед.

– А все-таки, Лин, почему ты без мужа приехала? – внимательно оглядев почти не изменившуюся за восемь лет кухню, не отставала бывшая подруга.

– Так получилось. – Тамара смотрела с таким неуемным любопытством, что Лина засмеялась, убирая продукты в холодильник. – Он в командировке. В Штатах.

– А ты почему с ним не поехала?

– Он же там работает. Что я буду целыми днями делать? И потом, мне просто захотелось сюда приехать.

– Он кто? Кем работает?

– Тоже разработчик. Инженер. И тоже в иностранной компании, в другой. Не торгует, не ворует, к нефтяной трубе не присосался…

– Взяток не берет, – засмеялась Тамара.

– Ему никто не предлагал, насколько я знаю, – улыбнулась Лина. – Так что сама решай, богатый или нет.

– Теть Клаву видела? – утратив интерес к ее личной жизни, кивнула Тамара в сторону забора, разделявшего бабушкин и соседкин участки.

– Видела.

– Сережка-то в мэры выбился. Знаешь?

– Да. – Родители рассказывали ей об успехах соседа, странно, она словно только что осознала эту новость. Конечно, здешний мэр весит поменьше мэра московского, но тоже не пустая величина.

– Прикольно, да? Дом себе построил почти на речке. Особнячок, два этажа. И участок в гектар, не меньше. Он к матери часто приходит, не знаешь?

– Не знаю.

– Раньше он к тебе неровно дышал.

– Ну что за ерунда, Тома! У нас больше десяти лет разницы. Он никогда в мою сторону и не смотрел, разве что в детстве на велосипеде катал.

– Смотрел-смотрел, ты просто не замечала. И разница в возрасте хорошая. Так что подумай, может, бросишь своего разработчика? Он тебе такой особняк не выстроит. О-о, глянь-ка, – кивнула в окно Тамара. – Теть Клава. Легка на помине.

Соседка принесла большое блюдо с пирогами. Пироги были большие, не такие, как у бабушки, та пекла маленькие, «на один укус». Лина уставилась на блюдо и пыталась остановить опять подступившие слезы. Нервы стали ни к черту.

– Я все-таки напекла пирогов, Линочка. Из готового теста, свое-то некогда ставить. Здравствуй, Тома, – кивнула соседка.

– Спасибо, тетя Клава. Спасибо вам. Сейчас будем чай пить, – засуетилась Лина.

– Здравствуйте, тетя Клава, – мягко улыбнулась Тамара.

Она как-то сразу изменилась, пропала вызывающая яркость, наоборот, она удивительным образом превратилась в скромную нежную девушку, даже излишний для жаркого летнего дня макияж уже не так бросался в глаза. Нормальный макияж, глаза немного подкрашены и губы, только и всего.

– Отдыхай, Линочка, – решительно поднялась подруга. – Не буду тебе мешать. Увидимся еще.

– К Сережке моему клинья подбивает, – глядя ей вслед, сурово произнесла соседка. – Около него много теперь вертихвосток ошивается. Рыбак рыбака видит издалека. У нас хоть и не Москва, ваших денег не наворуешь, но тоже есть что в карман положить.

– Тетя Клава! – опешила Лина. – Но Сергей вряд ли станет заниматься чем-то… криминальным.

Сережу бабушка всегда ставила Лине в пример. Тетя Клава работала в больнице медсестрой, воспитывала сына одна, лишних денег в доме никогда не водилось, а сына вырастила доброго, умного, начитанного. Школу окончил с золотой медалью, московский университет с красным дипломом.

Когда Лина приезжала сюда в последний раз, Сережа показался ей совсем взрослым дядькой, почти старым. Он уже тогда занимался бизнесом, а теперь вот стал политиком местного масштаба.

– Ну, криминальным – не криминальным, а на честные деньги хоромы не выстроишь. Ладно, бог с ним, давай чай пить. Выключай чайник, кипит.

Пироги оказались очень вкусными, и разговаривать с соседкой было легко, и старый сад за окном навевал безмятежное спокойствие. Тоскливое одиночество, к которому Лина почти привыкла за многие годы, отступило, и она впервые за все последнее время почувствовала себя почти счастливой.

Внезапно разразилась июльская гроза, пришлось спешно закрывать окна, и Лина радовалась, что тетя Клава побудет с ней еще. Хотя бы пока не стихнет дождь.

Тамара шла к дому по длинной дороге вдоль железнодорожных путей, за которыми начинались желтеющие поля. Подумала, перешла через рельсы, спотыкаясь на остром щебне, и, оказавшись на узкой тропинке, скинула босоножки и пошла босиком, как недавно Лина.

В детстве она часто ловила себя на том, что старается быть похожей на Лину, и ужасно на себя злилась. Ей хотелось, чтобы та ей завидовала, чтобы Линка старалась быть на нее похожей, а выходило как раз наоборот.

Тамара приезжала сюда, привозя кучу отличных шмоток, – мама, до перестройки работавшая продавщицей в булочной, с наступлением новых времен занялась собственным бизнесом и дочь одевала как картинку. Бизнес был, конечно, так себе – «челночный», мать возила из Турции одежду и сама же ее продавала на рынке. Но деньги, по тем нищим временам немалые, в семье водились.

Тамара меняла платья и туфли, а Лина ходила в дешевых шортах, переделанных из старых джинсов, и была вполне довольна жизнью. В конце концов Тамара тоже обрезала себе джинсы, за что мать долго ей потом выговаривала, а платья так и висели в тесном бабушкином шкафу.

Вот и сейчас она жалела, что напялила босоножки, в которых невозможно ходить по российским дорогам, а еще больше – что у нее вообще нет босоножек без каблуков, как у Линки.

Впрочем, сейчас ей не до нее. Ей есть о чем подумать и помимо давней подруги.

Цель Тамара определила себе четкую – выйти замуж за Сергея Михайловича Овсянникова, полноправного хозяина окрестных земель. Мысль эта зародилась несколько лет назад, когда Сережа из бизнесменов средней руки подался в не ахти какие на фоне крупных городов властные структуры. Но тогда Тамара рассматривала этот вариант как запасной, тогда она еще пыталась устроиться у себя, в большом областном центре, но подходящего бизнесмена не находилось, молодого политика тоже, а все то, что попадало под руку, слова доброго не стоило. Такая же голь перекатная, как она сама.

Не ко времени приехала Лина, совсем не ко времени. Сережа Линку всегда выделял, нравилась она ему, по-взрослому нравилась, это Тамара отлично помнила. Она такие вещи всегда замечала, даже девчонкой. Хорошо, что Лину он совсем не интересует, в этом Тамара и тогда не сомневалась, и сейчас.

И все-таки не ко времени она приехала. Не нужно Тамаре, чтобы кто-то мог отвлечь Сергея, даже не желая этого.

Встретиться с Овсянниковым Тамаре было необходимо, причем как можно быстрее. И не только потому, что очередной отпуск проходил, а цель все так и оставалась целью, ни на сантиметр не приближаясь.

Главное заключалось в другом.

В том, что его хотят убить.

После грозы воздух стал особенно чистым, легким. Откуда-то доносился запах душистого табака, еще каких-то цветов. Сад почти не изменился, Лина собрала сбитые грозой яблоки, сорвала пригоршню вишни и съела. Ягоды совсем созрели, нужно обобрать и сварить варенье.

Она еще побродила по саду, несколько раз подойдя к старой раскидистой яблоне-китайке. Дерево было кривое, однобокое, большая боковая ветка отпилена и замазана коричневой краской.

К вечеру стало прохладно. Лина вернулась в дом, прикрыла окна, растянулась на диване и, пощелкав пультом, включила телевизор. Телевизор был большой, плазменный, родители купили его совсем недавно, в прошлый отпуск.

Смотреть, как обычно, было нечего, Лина остановилась на историческом фильме про какого-то вероломного английского короля и неожиданно увлеклась. Король менял любовниц, объяснялся в любви собственной жене, воевал, казнил, миловал и оставался умопомрачительно мужественным.

Костины шаги она узнала, едва заслышав легкий скрип под окнами. Потом слушала, как он вытирает ноги о коврик на полу прихожей, и сразу перестала понимать, что происходит на экране.

Она не пошевелилась и не смотрела на него, и все-таки знала, что он замер в дверном проеме. Выключила телевизор, когда молчание стало совсем невыносимым, и наконец повернулась к нему:

– Что, Костя?

Он молчал, глядя мимо нее. Сцена получалась поразительно пошлая.

– Лина… Я все эти годы жалел…

– Не надо, Костя, – перебила она, удивляясь, что видит в нем совсем чужого человека. – Я ни в чем тебя не виню. Мы были детьми, мало ли кто кому нравился в юности. Ты же не бросил меня с младенцем на руках. И вообще, я больше не желаю об этом говорить.

– Не буду. Только… я хочу, чтобы ты знала, ты – самое светлое, что у меня было в жизни.

Все-таки он изменился. Стал шире в плечах. Раньше он никогда не стриг волосы так коротко, и у него не было намечающихся залысин.

– Костя! Это все происходило в другой жизни, хватит об этом.

– Ты со своим мужем… счастлива?

– Нет, – честно призналась Лина. – Но это не значит, что я готова завести любовника.

Раньше у Кости не было такого тяжелого мрачного взгляда. Впрочем, тогда ему не приходилось перед ней оправдываться.

Он наконец оторвался от дверного косяка, подвинул стул и сел напротив Лины.

– Пойдем, погуляем, – предложил он, помолчав. – Хочешь?

– Нет, – она покачала головой. – Я устала с дороги, не спала в поезде.

– А завтра?

– Там видно будет.

Она совсем иначе представляла их встречу, до самого последнего времени мечтала увидеть себя в его объятиях и никогда не подумала бы, что ей просто не о чем будет с ним говорить.

– Как Вероника Сергеевна? – спохватилась Лина, вспомнив про Костину бабушку.

– Нормально. Пьет таблетки горстями, как и положено. Она не любит жаловаться. Я… все время хотел к тебе приехать и боялся, что ты меня выгонишь, я бы тогда не знал, как мне жить.

– Перестань, Костя, – поморщилась Лина, удивившись, что разозлилась всерьез. – Перестань. С тех пор прошла целая жизнь, и я не верю, что ты ежеминутно обо мне думал.

– Ежеминутно не думал, – подтвердил он. – Но никогда не забывал. Ты правда мое самое светлое воспоминание.

– Ты мое тоже, – улыбнулась Лина.

– Хочешь, в саду посидим?

Раньше Лина боялась находиться в саду, когда темнело. Бабушка даже пригласила соседа дядю Мишу, и тот провел свет вдоль дорожек, но все равно Лина одна по вечерам в сад никогда не выходила, только с бабушкой или с подругами. А потом только с Костей.

– Нет, Кость. Я хочу спать.

– Не забудь запереть дверь, – поднимаясь, предостерег он.

– Не забуду, – пообещала она, чуть не ляпнув «спасибо за заботу».

Немного постояв на крыльце и вдыхая аромат соседских цветов, заперла дверь и заснула почти сразу, как положила голову на подушку. Словно в детстве.

Понедельник, 2 июля

Разбудил ее перезвон мобильного. Лина посмотрела на светящийся экранчик – половина девятого. В Москве она никогда не просыпалась позже начала восьмого.

– Привет. Ты где? – Голос мужа звучал отчетливо и громко, как будто он находился рядом, а не на другом конце света.

– Привет. – Лина поудобнее перехватила тоненькую «Нокию». – В бабушкином доме.

Она слушала, как муж дышит в трубку, и старалась не поддаваться тоскливой безысходности, понимая, что сейчас ее ждет долгое выяснение отношений.

Он молчал, и она не выдержала:

– Стас, я же тебе говорила. Я говорила, что хочу поехать…

– Угу, – перебил он. – Только я не мог поверить, что ты способна развлекаться, когда я в чужой стране.

– Стас! – ахнула Лина. – Ну при чем тут чужая страна? Я же все равно в России, какая разница, в Москве я или нет? И потом, ты не ребенок. Ты в этой чужой стране проводишь времени больше, чем со мной.

– Ты меня упрекаешь?

– Нет, конечно.

– Я работаю, между прочим. Я для тебя деньги зарабатываю. Для тебя!

Лина могла бы ему напомнить, что тоже работает и денег зарабатывает ненамного меньше, чем он, но говорить что-либо бесполезно, это она знает точно. Каждое ее слово будет перевернуто самым нелепым образом, и ей придется оправдываться неизвестно в чем.

– Ты считаешь нормальным отдыхать врозь?

– Нет. Не считаю. Ты же знаешь, что у меня остались две недели от прошлогоднего отпуска. От прошлогоднего, Стас.

В прошлом году они оба много бывали в командировках, потом Стасу пришлось взять половину отпуска, чтобы помочь родителям на даче, затем они все-таки поехали отдыхать, но только на десять дней, и половина отпуска у Лины осталась неиспользованной.

– Ты могла бы приехать ко мне.

– Стас! Но…

– Ну что тебе делать в этой глухомани? Почему обязательно в эту дыру за сто верст? – На Америке он всерьез не настаивал, и Лина отлично понимала почему. Потому что поехать к нему на две недели дорого и хлопотно, тем более что он сам вернется через месяц. Просто ему очень хотелось, чтобы она рвалась к нему и говорила об этом, а он бы уговаривал ее еще чуть-чуть подождать. Тогда, может быть, и сам бы предложил ей поехать отдохнуть в старом бабушкином доме. Она знала, какие слова нужно говорить Стасу, только произносила почему-то совсем другие.

– Я выросла в этой дыре, – напомнила Лина.

– Ну и что? Тебе там лучше, чем со мной, да?

– Стас, – взмолилась Лина. – Ну пойми ты, я просто соскучилась по этим местам. Ты же все равно в командировке. Ну какая тебе разница?..

– Есть разница, – зло произнес он. – Мне небезразлично, где… болтается моя жена. Что ты там собираешься делать?

– Отдыхать. Повидаться с соседями. Ты же никогда не хотел сюда ехать, вспомни.

– Вот что, – отрезал он. – Ты сегодня же вернешься назад, возьмешь билет на ближайший рейс и немедленно вылетаешь ко мне!

– Стас, – неожиданно для себя выпалила Лина. – Давай разводиться.

– Что-о? – не поверил он. – Да любая другая на твоем месте…

Про «любую другую» Лина не могла слышать. Просто физически не могла.

– Ты приедешь, и я подам на развод. – Лина нажала отбой, положила телефон на тумбочку и только теперь заметила, как сильно дрожат руки.

Неужели она сама сказала про развод?

Лина вылезла из постели, походила по дому, стараясь успокоиться, и подошла к окну.

Они со Стасом ссорились постоянно. Они словно говорили на разных языках, и каждую свою мысль ей приходилось подолгу ему объяснять и уверять, что она ничего плохого в виду не имела. И все-таки она никогда всерьез не думала о разводе.

Или думала?

– Любая другая на твоем месте радовалась бы, – неизвестно на что обижался Стас, даря ей подарок на день рождения.

– Я радуюсь, – уверяла Лина, стараясь не обращать внимания на «любую другую», которую Стас видел на ее месте.

Она действительно радовалась его подаркам и старалась не замечать, как тоскливо сжимается сердце от «любой другой», и послушно примеряла золотую цепочку, или сережки, или еще что-нибудь.

Потом и цепочка, и сережки напоминали о «любой другой», и носить их не хотелось. Но она носила.

Она понимала, что «любая другая» для него только привычные и пустые слова, но каждый раз отчего-то тревожно сжималось сердце, и потом она долго не могла восстановить душевное равновесие.

Она никогда всерьез не думала о разводе.

Или думала?

– Стас, – попросила однажды Лина. – Пожалуйста, никогда больше так не говори. Мне… неприятно.

– Почему? – засмеялся он. – Ревнуешь? Поревнуй-поревнуй, это полезно.

Лина распахнула окно. В саду заливался соловей, впрочем, она плохо различала птичьи голоса, может быть, пела какая-то другая птица.

Стас вернется, и мы разведемся, твердо решила Лина. Это не жизнь, когда почти любой разговор вызывает ссору, после которой дрожат руки.

Она хорошо помнила, как когда-то любила Костю, и отчетливо понимала, что со Стасом ничего похожего не было. А еще она помнила, как любил ее Костя, и не менее отчетливо понимала, что Стас никогда не любил ее так, чтобы не представлять другой на ее месте.

Впрочем, и Костя легко допустил другую на ее место.

Утренний воздух был прохладным, ароматным, успокаивающим.

Руки больше не дрожали.

Что-то не нравилось Тропинину в этой командировке. Вроде бы работы выполнялись в срок, без сбоев, строго по плану. К его приезду ребята полностью смонтировали оборудование, тестирование проводили добросовестно, никаких грубых ошибок не выявили, а что-то его тревожило.

Фирма устанавливала на инструментальном заводе систему наружного и внутреннего видеонаблюдения. Работа привычная, несложная, много раз выполнявшаяся. Волноваться причин нет, но Тропинин своей интуиции доверял.

Не понравился ему директор, слишком суетливо выспрашивающий о характеристиках оборудования. Не понравилась общая обстановка на заводе, где все, казалось, только и ждут наступления каких-то судьбоносных событий, а до них пребывают в состоянии безразличного ничегонеделания, имитируя при этом повышенную работоспособность.

Откуда у него взялось такое представление, Тропинин и сам не понимал. Просто он много бывал на различных предприятиях и давно научился отделять настоящую работу от примитивной показухи.

По обрывкам разговоров, намекам понять, что на заводе зреют перемены, особого труда не составило. Картина вырисовывалась привычная и страшная в своей привычности: разрушенный благословленной перестройкой завод при нынешних хозяевах стал приносить ощутимую прибыль, и на него нашлись желающие.

Во всем этом Тропинина больше всего волновало, чтобы деньги его фирме были перечислены в срок и в полном объеме. А для этого нужно как можно быстрее закончить монтаж и подписать акты сдачи-приемки. Чем быстрее подпишем, тем с большей вероятностью получим деньги, понимал Тропинин. Пока здесь не начались бои местного значения.

Проснулся он рано, еще в гостинице объяснил руководителю группы, которая здесь работала, что к чему, и неожиданно для себя решил сходить на речку. Все равно на заводе ему делать нечего, только смущать группу своим присутствием. Тропинин хоть и держался всегда демократично, но понимал, что, будучи директором и хозяином фирмы, на равных с собственными подчиненными никогда не будет.

Позавчера, собираясь в эту командировку, он прихватил плавки. Сунул в чемодан просто так, потому что попались под руку. Уже потом, посмотрев карту, узнал, что здесь есть река.

Тропинин включил компьютер, прикинул, посмотрев на карту, как пройти к речке, и, заперев номер, отправился туда.

По карте путь казался близким, а на самом деле он долго шел мимо каких-то заборов, преграждающих путь к воде, пока не вышел к железнодорожным путям, а за ними к маленькому мостику через крохотный ручей.

С девушкой он столкнулся у самого моста и сразу узнал ее – попутчица, полночи простоявшая у окна вагона. Тогда, в поезде, девица Тропинина поначалу раздражала, стояла, как изваяние, только головой еле двигала, как испуганная

улитка, боявшаяся высунуться из раковины. Тропинин пробовал читать, но внезапно ловил себя на том, что не отрывает от нее глаз. Это было ужасно глупо, и он на себя злился. Но все-таки смотрел. Оказалось, что приятно смотреть на узкую гибкую спину, на волнистые до плеч волосы. На тонкий профиль, когда она немного отворачивалась от окна. Потом девица ушла к себе в купе, и он напрочь о ней забыл.

– Здравствуйте, – кивнул ей Тропинин.

– Здрасте, – послушно откликнулась Лина и только потом узнала случайного попутчика.

Дорога к речке была одна, вдоль поля, и Тропинин шел за Линой, чуть поотстав, хотел обогнать, но не стал.

Дорога вывела прямо к реке, на чистый, покрытый светлым мелким песком пустынный берег. Девушка скинула босоножки, бросила рядом длинную цветастую юбку и белую майку. Или блузку. Тропинин плохо разбирался в женской одежде. Вошла в воду по колено, постояла немного, прошла чуть дальше и поплыла. Не плескалась около берега, как большинство женщин, а плыла по-настоящему, не быстро, но правильно.

Тропинин сразу вспомнил вчерашние разговоры на заводе: как раз накануне в реке утонул какой-то парень. Местные рабочие сокрушались: совсем не пил, а так нелепо погиб. От них же Тропинин слышал, что эта река всегда отличалась коварством, лета не проходило, чтобы кто-нибудь не пропал в безобидной на вид пучине.

Зря она так, подумал Тропинин о попутчице, явно направляющейся к противоположному берегу, начнет тонуть, спасти будет некому. Может быть, потому что собирался в случае необходимости прийти к ней на помощь, а может, просто потому, что ему опять было приятно на нее смотреть, остановился он невдалеке, метрах в пяти от ее вещей.

Попробовал ногой воду – прохладная. Если бы не плывущая девушка, он бы в реку не полез, он предпочитал теплую воду. Правда, и на теплом море, на дальнем африканском берегу он в последний раз был несколько лет назад, жена уговорила поехать.

Тропинин нырнул, несколькими взмахами рук отдалился от берега. Вода уже не казалась прохладной, нормальная вода, приятная. Перевернулся на спину, чувствуя, как его мягко подхватывает небыстрое течение, и поплыл назад к берегу.

Сегодня попутчица совсем не напоминала улитку, она казалась вполне уверенной, независимой и равнодушной, и Тропинина это почему-то неприятно удивило.

Девушка прошлась по противоположному берегу, постояла, подставив лицо еще не жаркому солнцу, и поплыла назад.

– Вы бы не рисковали, – буркнул Тропинин, когда она подошла к оставленной одежде. – Недавно здесь здоровый мужик утонул.

– Я выросла на этой реке. – Она повернулась к нему, и он разглядел, что глаза у нее темно-голубые, почти синие. – Я в ней с трех лет купаюсь. Или даже с двух.

Он не представлял, что бывают такие красивые глаза.

Лина подхватила босоножки и одежду, направляясь к ведущей к городу дороге.

Они еще не знали, какая страшная опасность будет угрожать им в этом маленьком уютном городке.

Проснулась Тамара рано, до будильника. Полежала, слушая, как бабка копошится на кухне. Мысли были вялые, нерадостные, даже тоскливые. Дни шли, а ничего из намеченного она так и не сделала. Собственно, намечала она одно – явиться спасительницей к Сергею и сделаться местной первой леди.

Идти к нему нужно было немедленно, Тамара отлично это знала и понимала, почему на самом деле тянет – от страха.

Был еще один выход – бежать отсюда побыстрее, забыв обо всем, что знает.

Тамара вылезла из-под простыни, под которой спала по случаю жары, сунула смятую постель в ящик дивана и пробурчала, выйдя на кухню:

– Ну куда столько набрала, ба? Едешь-то всего на три дня.

– Так ведь самое необходимое, Томочка. И неизвестно еще, то ли на три дня, то ли… – Бабушка тяжело вздохнула.

Полечиться бабуля любила, то сердце у нее болит, то желудок, то давление. Всех врачей уже достала, вот и отправили ее в областной центр на консультацию, чтобы она от них отвязалась. Тамара наклонилась к двум плотно набитым сумкам и покачала головой:

– Куртка-то зачем? Вон какая жарища стоит.

– Так ведь… Сейчас жарища, а завтра похолодает. Не в Африке живем.

Тамара махнула рукой и неожиданно заметила, какие явные синяки у бабки под глазами и какие бледные, почти синие губы.

– Ты вообще-то как, бабуль? Чувствуешь себя как?

– Да ничего, Томочка. Как обычно. Давай завтракать да пойдем.

– Линка приехала, – нарезая только что сорванные огурцы, вспомнила Тамара.

– С мужем? – Бабка поставила на стол кастрюлю с молодой картошкой.

– Одна.

– Надолго? Интересно на нее посмотреть.

– Говорит, в отпуск. Посмотришь еще. Да она и не изменилась почти.

– Болит у меня за тебя душа, Томочка, – тяжело вздохнула бабка, накладывая ей полную тарелку. – Линка-то не красивее тебя, а давно замужем, а ты… Будешь

такая же неприкаянная, как мы с твоей матерью.

– Не каркай!

– Не буду. Что на роду написано, то и будет. У них вся семья такая, удачливая. Полина, покойница, замуж хорошо вышла, и дочь, и вот внучка.

– Не больно-то Линка похожа на счастливую. И отпуск с мужем врозь проводит. – Тамара подумала, добавила себе салата из огурцов.

– У меня ухажеров полгорода было, а у Полины один. А вышло, что я всю жизнь одна с ребенком, а она с мужем.

– Ну хватит, ба, – поморщилась Тамара.

– Не повторяй ты наших ошибок, Томочка, не разбрасывайся. Ищи хорошего человека. А богатство дело наживное, сегодня есть, завтра нет. Вон Сергей Овсянников – копейки лишней в доме никогда не было, а теперь самый богач. Особняк отстроил.

– Женщина у Сережки какая-нибудь есть? Что про него говорят, бабуль?

– Была какая-то, из нового города. Учительница вроде. Пожила у него месяца два, и все.

– Что все?

– Разошлись. Она из города уехала. Я перед самым твоим приездом его в магазине встретила, он мне еще сумку донести помог. Он мужик-то хороший, уважительный. Про тебя спрашивал.

– Да? – заинтересовалась Тамара. – А ты что сказала?

– Сказала, что в администрации работаешь. Не замужем пока. Что есть, то и сказала. Пойдем, Томочка, собирайся.

Автобус отходил в десять часов с привокзальной площади. Тамара помахала бабке, позвонила матери, чтобы встречала автобус, и остановилась у киоска с мороженым, пропуская небольшую толпу с пришедшего московского поезда.

Она не сразу поняла, почему ее словно зазнобило жарким июльским днем. Она смотрела вслед худощавому молодому мужчине и не могла отвести взгляд. Уговаривала себя, что ошиблась, на свете миллионы таких худощавых мужчин, и знала, что с московского поезда сошел убийца.

Он меня не видел, успокаивала себя Тамара. Да он меня и не вспомнит сроду.

Она тоскливо оглядела площадь и медленно направилась к центру города, к зданию городской администрации, понимая, что времени уже совсем нет.

До кладбища можно было подъехать на автобусе, но Лина, наспех позавтракав после купания, пошла пешком.

Город изменился. Появились красочно оформленные магазины, летние кафе на несколько столиков, улицы оказались заасфальтированными, причем дорожки были проложены с умом, в тени деревьев.

И кладбище изменилось, появилась даже небольшая часовня. Когда хоронили бабушку, оно выглядело совсем заброшенным. Правда, умерла бабушка в декабре, а зимой все кажется заброшенным.

Лина положила на свободное место между нежными анютиными глазками купленные у ворот оранжевые лилии и долго смотрела на стандартную овальную фотографию на памятнике. В последний раз Лина видела бабушку в тот страшный день, когда узнала, что у Кости другая девушка. Ее подруга Тамара.

В том году Лина приехала сюда позже, чем обычно, в августе. В июле у нее была производственная практика, Лина еле дождалась ее окончания и уже на следующий день стояла у окна вагона, весело глядя на мелькающие перелески. Поезд пришел не поздно, часов в пять вечера, Лина спрыгнула на платформу к бабушке и Косте, и на свете не было человека счастливее. Впрочем, тогда она не

думала о счастье, это она потом узнала, что тот день был последним по-настоящему счастливым в ее жизни.

Тогда Костя показался ей каким-то смущенным, но она не обратила на это внимания. Не мог же он обнимать ее при бабушке, тогда «гражданские браки» и «свободная любовь» еще были не так распространены, как сейчас. Костя донес до дома ее вещи и сразу куда-то заторопился, а они с бабушкой пили чай с пирогами, потом фотографировали друг друга в саду новым Лининым фотоаппаратом, а потом Лина отправилась к Косте…

Она не сразу поняла, что за густыми вишнями Костя обнимает другую девушку, и потом долго радовалась, что не окликнула его. Она стояла, как оглушенная, и не могла пошевелиться, и запоздало понимала, что Костя сегодня был другим, не таким, как раньше, и она обязана была догадаться, в чем дело, но не догадалась.

Как очутилась дома, Лина не помнила. Бабушка обнимала ее и успокаивала, а она трясла головой, словно при нервной болезни.

– Тебе трудно в это поверить, Линочка, – шептала бабушка, – но все пройдет. Ты будешь вспоминать этот день без боли, нужно только немного потерпеть. Подождать. Время – лучший лекарь, поверь мне.

Потом они отнесли на вокзал так и не разобранные сумки, и первым же поездом Лина уехала назад в Москву. Зимой бабушка умерла.

– Ты была права, бабуль, – прошептала Лина. – Все прошло.

Погладила ухоженные анютины глазки – родители платили кому-то из соседей, чтобы ухаживали за могилой, – и побрела к выходу.

Радуясь, что не достала из сумки паспорт, Тамара сунула его молодому полицейскому у входа в двухэтажное здание, где с незапамятных времен располагалась местная власть, ласково ему улыбнулась и пошла вдоль тесного коридора, читая таблички на дверях.

– Вы к кому? – окликнула ее сидевшая к конце коридора девушка.

Коридор кончался небольшой комнаткой. Кроме стола с компьютером, за которым сидела бдительная девица, в комнате располагались только два стула, как раз напротив двери с надписью «Овсянников С.М.».

– К Сергею Михайловичу, – равнодушно бросила Тамара, усаживаясь на неудобный стул.

– Он вам назначил?

– Он меня примет, – заверила Тамара, подумала и улыбнулась секретарше. Отношения с девицей портить не стоило, она еще может пригодиться. – Я его старая знакомая. Давно его не видела. Когда он появится?

– Не знаю, – разглядывая итальянское Тамарино платье, призналась девица. – Может и совсем не прийти. У него приема сегодня нет.

– А позвонить ему вы можете? – доверительно подалась к ней Тамара. – Скажите, Тома Ропкина ждет. Позвоните. Чего я буду ждать-то зря?

Девица, поколебавшись, потянулась к мобильному.

Все-таки простой народ в провинции. Она, Тамара, никогда бы шефу из-за незнакомой бабы звонить не стала. Еще не хватало! Если знакомая, значит, сама должна телефон знать. А не знаешь, так это твои проблемы. Секретарь-то здесь при чем?

К счастью, сейчас для Тамары уровень секретаря был благополучно пройден, она начинала секретаршей. Теперь Тамара называлась инспектором, работу свою любила и власть, хоть и небольшую, любила тоже. А больше всего до недавнего времени любила своего начальника.

Телефон Сергея оказался отключен. Тамара поерзала на стуле и уставилась в окно на пыльную улицу.

Сережа на подрастающих девчонок внимания не обращал. Здоровался с детворой, улыбался и проходил мимо, как все взрослые. И они на него внимания не обращали. Гоняли на велосипедах, играли в бадминтон, шептались, сидя у Лины в саду. Сережа был бы последним, кого Тамара помнила из своего детства, если бы не то, что очень ее злило. На подругу Лину теть-Клавин сын все-таки внимание обращал.

Когда они были совсем маленькими, он катал Линку на своем «взрослом» велосипеде. Ездил с ней в лес, учил собирать грибы. Тамару собирать грибы учила бабка, а Лину – Сережа.

Потом, когда они подросли и Лина всюду ходила с Костей, Сережа улыбался ей как-то по-особенному, не как всем. Нравилась она ему. Тамара даже удивлялась, что никто этого не замечает, и Линка тоже.

Вот этого Тамара в подруге больше всего терпеть не могла. Линка как будто мало что вокруг замечала, Тамара даже сначала думала, что она притворяется. Ну как можно не замечать, например, что одна соседка другую терпеть не может? Да стоит только раз увидеть, как обе красными пятнами покрываются, когда здороваются, и все ясно. И из-за чего, тоже ясно, если обе незамужние и обе без конца к дачнику-москвичу наведываются.

Линка верила словам, а она, Тамара, собственным глазам. Чутью. Интуиции.

Раньше Линкина наивность ее очень раздражала. Получалось, что подруга будто бы не от мира сего, как ангелочек. Наверное, из-за этого ей так и хотелось отбить у нее Костика.

Странно, раньше ее грело воспоминание, как Линка замерла, открыв рот, когда юная Тамара обнимала юного Костю, а сейчас, у кабинета с табличкой «Овсянников С.М.», нет.

Костя тогда Лину не видел, а Тамара видела. Вообще, с Костей все получилось и продуманно, и случайно. Продумано было ходить вместе купаться на дальний пляж, где народу почти не бывает. А случайно вышло другое – гроза, чудовищной силы ливень и сверкающие совсем рядом, завораживающие, наполняющие холодным ужасом молнии. Они еле успели добежать до беседки в парке. Тамара тогда сильно испугалась и у Кости на груди спряталась от

непритворного страха. А потом все получилось само собой и как раз накануне Линкиного приезда.

Конечно, на следующий вечер Тамара к Косте пришла не случайно – знала, что Лина должна приехать, и обняла несчастного запутавшегося парня тоже не случайно, и все получилось как она наметила. Только путного ничего из этого не вышло. Лина уехала, через несколько дней уехал Костя, а следующим летом он старательно делал вид, что ничего не произошло.

Сидеть на неудобном стуле надоело. Тамара лениво поднялась, подошла к окну, вздохнула и решила:

– Зайду в другой раз. Появится – скажите, что я приходила. Не забудьте.

– Не забуду, – пообещала девушка.

Теперь она рассматривала Тамарины босоножки. Босоножки были шикарные, безумно дорогие, купленные в Москве в ГУМе. Тамара давно взяла за правило наведываться в столицу за покупками. На Европу денег у нее нет, а в Турции, где она обычно отдыхает, одно барахло.

Еще раз в меру снисходительно, но доброжелательно улыбнувшись секретарше, Тамара вышла на улицу, перешла на теневую сторону – жарко очень, и по дороге к дому уговаривала себя, что время еще есть.

В знакомом узком переулке все было как прежде, разве что забор бабушкиной подруги оказался выкрашенным свежей бледно-зеленой краской. Лина постаралась вспомнить, какого цвета забор был раньше, и не смогла – забыла. Пройдя по выложенной плиткой дорожке мимо буйных разноцветных георгинов, поднялась на крыльцо, позвонила в новенький, какого раньше тоже не было, звонок.

– Линочка! – ахнула маленькая, кругленькая, совсем седая Антонина Ивановна, – Родная моя! Что же не позвонила? Я бы тебя встретила. Давно приехала?

– Вчера. – Лина обняла старую женщину, чувствуя возвращающееся, давно забытое ощущение счастливого детства.

– Надолго? – вытирая подступившие слезы, засуетилась Антонина Ивановна. – Садись, Линочка. Без обеда тебя не отпущу.

– Спасибо, Антонина Ивановна. – Лина села за стол. – Обедать не хочется. Я с кладбища. Давайте чаю попьем.

– Давай, только сначала бабушку помянем, – доставая из буфета графин с черносмородиновой наливкой, решила старушка. – Как живешь, Линочка? Муж хороший?

– Хороший, – призналась Лина. – Добрый. Поводов для ревности не дает и меня ревностью не изводит. Но жить с ним больше я не могу. Не могу, и все.

А ведь, пожалуй, она не решилась бы окончательно и бесповоротно расстаться со Стасом, если бы не приехала сюда. Если бы не вспомнила себя прежнюю, беззаботную, если бы не разговаривала со старыми бабушкиными подругами, чувствуя общую атмосферу доброты и понимания, чего никогда не чувствовала со Стасом.

– В этом тебе никто не советчик, девочка моя. – Старая женщина ставила на стол баночки с вареньем, печенье, конфеты. – Ты только не торопись. Не делай сгоряча того, чего потом нельзя исправить.

– Ладно, бог с ним. Как вы живете, Антонина Ивановна?

– Без твоей бабушки мне, конечно, плохо, – наконец уселась старушка. – Столько лет прошло, а я никак не привыкну, что ее нет. Мы ведь с ней и в школе вместе учились, и в институте. Да ты знаешь.

Лина кивнула, она знала, какими близкими были старые подруги.

– Всю жизнь бок о бок. А так, конечно, грех жаловаться. Глаза видят, ноги ходят. Скриплю, Линочка.

Они молча подняли рюмки с темной наливкой.

– Царствие ей небесное.

– Царствие небесное, – повторила Лина.

– Она вовсе не собиралась умирать.

– Ну, наверное, никто специально умирать не собирается.

– Да нет. По-разному бывает, – не согласилась Антонина Ивановна. – Мы в последний вечер с ней засиделись. Я печенье испекла, зашла днем ее угостить, а просидела до вечера. Она меня даже провожать пошла, до полпути. Вечер очень хороший был, морозило, но не сильно. Звезды. Снег под ногами искрился. Кто бы мог подумать… Она на следующий день хотела фотографии напечатать, у нас тогда цифровую печать по дороге к супермаркету открыли. Она мне еще пыталась снимки в окошке на фотоаппарате показать, но я не разобрала ничего. Мелко.

– А где сейчас тот фотоаппарат, не знаете? – заинтересовалась Лина. Ей вдруг очень захотелось посмотреть на последние бабушкины снимки.

Тогда она еще не знала, что Кости уже нет в ее жизни, фотографировала бабушку у разломанной вчерашней грозой раскидистой яблони-китайки. Бабушка рассказала, что накануне была немыслимая гроза и молния расколола яблоню почти пополам.

– Откуда же мне знать, Линочка? Наверное, твои мама с папой забрали.

Нет, родители фотоаппарат не забирали, иначе отдали бы его Лине. «Надо найти, – решила она. – Найду фотоаппарат и снимки перекину в компьютер.

В тот вечер она не вспомнила про него, и бабушка забыла сунуть его Лине в сумку. Тогда Лина была уверена, что жизнь кончилась, а бабушка страдала за нее и боялась.

– Когда утром ко мне Клавдия прибежала, я поверить не могла. Она-то, Клавдия, видно, что-то почувствовала, раз в запертый дом войти решилась.

– Бабушка ей всегда ключи оставляла.

– Это ведь она бабушку обнаружила, Клава.

– Я знаю.

– Вот так, заснул человек и не проснулся. Клавдия-то почувствовала, а я нет, – вздохнула Антонина Ивановна. – Хорошим человеком твоя бабушка была, люди около нее отогревались. Та же Клава. Она после смерти Полины совсем нелюдимой стала. И раньше-то была не слишком приветливая, а нынче совсем сычиха сычихой.

– Сережа у вас теперь большое начальство.

– Начальство. Говорят, сейчас все ему принадлежит, и завод, и земля, все. Знаешь, Линочка, советская власть идеальной не была. И идиотизма много было, и вранья, и показухи, но до такой подлости, чтобы прикарманить народную собственность, коммунисты все-таки не додумались. Я этого слова, бизнесмен, слышать не могу. Разве это бизнес? Вот Сережа Овсянников у нас «бизнесмен», государственный завод в свой карман положил. Даже Клавдия, и та людей стесняется, а ему хоть бы что. А ведь мальчишкой хорошим рос, кто бы мог подумать… Теперь еще и во власть полез. А народ за него голосует, за бессовестного.

Лина засиделась у бабушкиной подруги. Пообедали, потом снова пили чай. Домой она вернулась уже под вечер.

Самой большой Тамариной ошибкой было решение явиться к тетке Клавдии.

К Лининой соседке она отправилась сразу, как приехала. Думала, обрадуется бабка, а получилось черт-те что. Та смотрела с недоумением и губы поджимала. Но принесенный торт все-таки ела и Тамару чаем поила. Даже варенье поставила, вишневое, только что сваренное.

Впрочем, Тамара должна была это предвидеть, тетка Клавдия не Лина и не бабушка Линкина Полина Васильевна. Те бы лишних вопросов не задали, и зачем она явилась, если до сих пор никогда не приходила, не спросили бы. Клавдия тоже не спросила, только сразу заявила, что, если Тамаре нужен Сережка, она ничем ей помочь не может. К нему не ходит, а когда он явится, не знает.

Тамара попыталась выспросить, какая кошка пробежала между сыном и матерью и почему тетка Клавдия в сыновний особняк не наведывается, но ничего у нее не получилось. Старуха в людях разбиралась не хуже самой Тамары и все ее хитрости сразу раскусила. Ну и черт с ней.

А с Сережей встретиться необходимо немедленно, сегодня же. Можно опять пойти к Клавдии, объяснить, что сыну угрожает настоящая, реальная опасность. Но это в самом крайнем случае, Клавдию Тамара побаивалась. Мало кого она боялась, а мать Серегину опасалась.

Тетка Клавдия мало с кем по-соседски ругалась и голос почти не повышала, но сразить могла насмерть, причем всего несколькими словами. Один случай Тамара помнила хорошо, хоть и была тогда совсем маленькой. У молодой соседки умер ребенок. Умер, конечно, по собственной соседкиной глупости, молодая мамаша недоглядела, отпустила крошечного мальчишку сырой холодной осенью гулять в легкой курточке. Мальчик простудился, а мамаша опять-таки по собственной глупости долго не вызывала врача, пока наконец мальчишку не увезла «Скорая» с температурой за сорок. В больнице ребенок умер, а непутевая мать почти тронулась рассудком, каждый день ходила на кладбище и таяла на глазах. Конечно, соседи ее осуждали, но и жалели. И только Клавдия, встречая несчастную бабенку, не забывала напомнить, что та сама собственное дитя загубила. А теперь убиваться нечего.

Тамара никогда не запомнила бы эту историю, если бы мама с бабушкой потом долго между собой не ругали Клавдию. И мать, и бабка за словом никогда в карман не лезли, да и деликатностью, это Тамара уже позже поняла, никогда не отличались, но жестокость Клавы Овсянниковой потрясла даже их.

Тамара перекусила купленными вчера блинчиками с творогом, подкрасила ресницы и губы, покрутилась перед зеркалом в очень шедшем ей сарафане и осталась довольна. Бабка считала, что сарафан слишком уж ее обтягивает, а Тамаре нравилось. Ей есть что показать, слава богу. Не то что Линке. Была тощая, такой и осталась.

К вечеру изнуряющая жара спала. Нужно вечером огород полить, напомнила себе Тамара. Раньше ее злило, что бабка, кроме овощей, ничего не сажает. У Лины в саду цветов было много, и Тамаре хотелось иметь такие же. Сейчас она соглашалась, что от цветов одни хлопоты, а толку никакого.

Новый Сережин дом находился недалеко, на соседней улице. Тамара, конечно, почти каждый вечер мимо особняка из красного кирпича прогуливалась, но Сергея ни разу не видела, а позвонить в звонок на глухом высоченном заборе так и не решилась. Даже странно, раньше она никогда особой робостью не отличалась.

Впрочем, не странно. Она прекрасно знала, почему не тянет руку к звонку. Потому что предполагать, что Овсянникова хотят убить, – это одно, а произнести это вслух, рассказать об этом, самой влезть в чьи-то игры – совсем другое.

Сегодня Тамара решительно подошла к закрытым воротам и нажала кнопку звонка. Ей было страшно.

Она звонила и звонила, но никто не отвечал.

Надо идти к Клавдии, тоскливо подумала Тамара. Медленно отошла от ворот и двинулась по безлюдной улице. Потом зачем-то свернула направо, на боковую улицу, обходя особняк главы местной администрации. Черную пыльную «Тойоту», почти скрытую кустами акации, она увидела случайно. «Тойота» жалась к покосившемуся забору, за тонированными стеклами ничего не было видно, но Тамаре казалось – Сережу поджидает убийца.

Машина стояла между участками на крохотном пятачке. Если бы она принадлежала кому-то из соседей, ее поставили бы поближе к собственным воротам.

Тамара дошла до конца улицы и опять свернула направо, к дому неприветливой тетки Клавдии.

Машина может принадлежать кому угодно. Не станут убийцы светиться на крохотной улице, где каждый незнакомец вызывает вполне понятное любопытство. Или станут?

Она понятия не имела, как ведут себя наемные убийцы.

Самое правильное, понимала Тамара, рассказать сейчас все, что знает, Клавдии, а потом сразу же, немедленно, бежать отсюда, навсегда забыв опасную и ненужную информацию.

Она бы так и сделала, если бы ей не хотелось выйти замуж за Овсянникова. А хотелось ей очень.

Не свернув к дому Клавдии, Тамара подошла к калитке подруги Лины. Подруги, которую знала столько же, сколько себя. На которую злилась, которой завидовала и у которой так удачно и в то же время неудачно отбила Костю.

Костино присутствие Лина ощутила раньше, чем увидела его сидящим на ее собственном крыльце.

– На кладбище была? – спросил он.

– Да. – Лина остановилась, подумала и села рядом на ступеньки.

Когда-то он безошибочно угадывал, где она была, что делала и даже о чем думала. Тогда такое духовное единение казалось ей высшим проявлением любви.

– А потом у Антонины Ивановны?

– Да.

– Как она?

– Нормально.

– Лина… – Ему важно было объяснить ей, что она единственная его женщина, его половина. Только с ней он может быть самим собой, настоящим, только ее слова и мысли понятны ему, как его собственные. И лишь это имеет значение, а

все остальное – ерунда. Было и прошло, и никогда не повторится.

– Костя! – Лине не хотелось никаких объяснений. Она наобъяснялась со Стасом на всю оставшуюся жизнь.

Они одновременно повернули головы на стук калитки.

– Привет, – поморщилась Тамара. Тонкие каблуки увязали на садовой дорожке, и ей пришлось идти на носках.

– Привет, – в один голос ответила парочка на крыльце.

– Лин. – Тамара постаралась, чтобы голос не дрогнул. Она совсем не ожидала увидеть здесь Костю, и его присутствие почему-то больно ранило. Впрочем, сейчас ей было не до Кости и даже не до сердечных ран. – Ты не знаешь, Сережа не у Клавдии?

– Знаю, – за Лину ответил Костя. – Не у Клавдии. В Москву уехал на три дня.

– Откуда ты знаешь? – Голос у Тамары все-таки дрогнул, то ли от собственных пугающих мыслей, то ли оттого, что здесь оказался Костя, а она получилась лишней.

– Я его встретил… – Костя прикинул, – позавчера. Он к матери приходил. Сказал, на три дня в Москву уезжает. Вчера, стало быть, отбыл.

– А телефона его у тебя случайно нет?

– Телефона нет.

Тамара, кивнув на прощанье, скрылась за плотной июльской листвой.

Раньше с Костей Лине было легко и разговаривать, и молчать. Сейчас разговаривать было легко, а молчать тягостно.

– Пойду, – поднялась она.

– Лина…

– Пока, Кость. До завтра.

Она боялась, что он так и останется сидеть на крыльце, но, когда украдкой посмотрела в окно, его там уже не было.

В том, что фотоаппарат, восемь лет валявшийся без употребления, будет работать, Лина сомневалась. И все-таки, посмотрев во всех возможных местах, куда бабушка могла его убрать, но так ничего и не обнаружив, расстроилась. Фотоаппарат в том давнем несчастливом году ей подарили родители перед самым отъездом. Тогда Лина снимать любила и дорогому цифровому аппарату очень радовалась.

Как хорошо тогда было фотографироваться у яблони-китайки. Расколотая накануне грозой, она стояла еще вся зеленая, и яблоки на отломанной веке бабушка хотела собрать на повидло.

Фотоаппарата Лина не нашла, зато долго рассматривала старые снимки в тяжелых альбомах, пока совсем не стемнело.

Вторник, 3 июля

Тропинин уже знал, что большой пляж, на котором обычно отдыхают горожане, находится выше по течению и гораздо ближе к гостинице, но зачем-то поплелся опять на вчерашнее место. Вышел он сегодня гораздо позже и вчерашнюю девушку увидеть не ожидал, впрочем, он вообще о ней не думал, но столкнулся с ней у того же моста через ручей. Увидел тоненькую фигурку, вежливо кивнул и отчего-то обрадовался. Даже неприятности на заводе перестали навевать тоску.

А неприятности были. Вчера директор мямлил, мялся, но потом уже за рюмкой специально для таких случаев привезенного Тропининым из Москвы коньяка признался – пока не приедет хозяин, Овсянников Сергей Михайлович, акты сдачи-приемки он подписать не может. Овсянников должен приехать завтра-послезавтра, но всей бригадой торчать без работы – для фирмы последнее дело.

Заказов много, людей не хватает. И отпустить бригаду нельзя, хоть трудились люди и добросовестно, а засбоить аппаратура при сдаточных испытаниях может, от этого никто не застрахован.

Как и вчера, Тропинин шел за девушкой чуть поотстав. Легкий теплый ветерок раздувал ее рыжеватые волосы, и она время от времени откидывала их с лица правой рукой. В левой она несла босоножки, а шла босиком. Тропинину тоже очень захотелось пройтись босиком, но он не стал – пока будет разуваться, девушка уйдет далеко вперед, шла она быстро. Не бегом же ее потом догонять.

Он смотрел ей в спину и боялся, что она почувствует его взгляд и увидит в этом что-то не совсем приличное, словно у него, Тропинина, других дел нет, кроме как девицам в спину пялиться. Не смотреть на нее ему было трудно, она отчего-то напоминала ему нежную сказочную фею, очень хотелось снова заглянуть в ее синие глаза, и он потешался над собой за это.

Темную машину в кустах Тропинин заметил случайно. «Тойота» стояла метрах в трех от дороги и была скрыта кустарником. Наверное, будь он один, и внимания на нее не обратил бы, но сейчас Тропинин как-то сразу подобрался, в два шага догнал девицу и зло спросил:

– Что вы одна болтаетесь где попало? Приключений ищете?

Она посмотрела на него с удивлением и еле заметно улыбнулась. Его ослепила синева ее глаз.

– Я всю жизнь хожу на речку по этой дороге. Здесь другой просто нет.

– Ну так одна не ходите!

– Спасибо. – Она опять еле заметно улыбнулась. – Я подумаю.

Сегодня бывший попутчик отчего-то очень смущался, и Лину это забавляло. Даже настроение, много месяцев бывшее никаким: ни плохим, ни хорошим, – Лина знала, что это признак затянувшейся депрессии, – сделалось вдруг радостным и полным ожидания, как в юности.

Как и вчера, они оказались одни на берегу. Как и вчера, она медленно входила в прохладную, несмотря на многодневную жару, воду. Неспешно поплыла на противоположный берег.

Тропинин нырнул, доплыл до середины реки, вернулся и наблюдал за ней с берега. Ему вдруг отчаянно захотелось узнать, замужем ли она. И он подумал, что, будь он ее мужем, ни за что не отпустил бы ее одну. Ни на речку, ни в отпуск.

– Я вас провожу, – шагнул он к ней, когда она, наплававшись, подхватила босоножки и брошенную на траву одежду.

– Спасибо, это лишнее.

– Я вас провожу. – Он смотрел мимо нее, давая понять, что возражать бесполезно. Ему не нравилась машина, спрятавшаяся в кустах у дороги.

Она молча пожала плечами – как хотите, и босиком зашагала по дороге.

Машины в кустах не было.

– Давайте познакомимся, что ли, – уже у моста, как дурак, предложил он. – Павел. Тропинин.

Нужно было назвать отчество, запоздало спохватился он. Сорок лет, не мальчик.

– Полина. – Лина остановилась на мгновение, и он опять поразился синеве ее глаз.

– Поля?

– Лина.

– Красивое имя, – похвалил он. Что-то он сегодня несет ахинею. Она может подумать, что для него норма подъезжать к незнакомым девицам. Он разозлился на себя и дальше шел молча. Впрочем, это оказалось еще глупее самых глупых слов.

Она остановилась у калитки внушительного добротного полутораэтажного дома:

– Спасибо. Я пришла.

– Вы каждый день ходите купаться? – Ему вдруг очень захотелось ее удержать.

– По настроению. Спасибо. До свидания.

Она исчезла за поворотом узкой дорожки. Тропинин потоптался и, ориентируясь по солнцу, медленно пошел по нешироким улицам по направлению к гостинице.

Вставать было лень, Тамара любила понежиться в постели. Лежала, размышляла, что делать – очень уж не хотелось снова идти к Клавдии. Встала, только когда почувствовала, что проголодалась. Пока готовила завтрак, решила окончательно, что отправляться к Клавдии надо сегодня же.

Клавдию Тамара никогда не любила, железная была тетка, ничего не скажешь, людей насквозь видела и в выражениях не стеснялась. На выражения Тамаре было наплевать, она и сама за словом в карман не лезла, а вот помешать ей Клавдия вполне могла, Сережа с матерью считался. Клавдия Тамару тоже с детства недолюбливала. Впрочем, она вообще мало кого любила, разве что Линку немного выделяла. Ну оно и понятно, к Лининой бабке Полине Васильевне Клавдия как раз по-соседски хорошо относилась, в подруги набивалась, а с другими только здоровалась сквозь зубы.

Как ни странно, о том, что Сергей местный олигарх, Тамара узнала случайно. Неслась куда-то с бумагами и столкнулась с ним в длинном коридоре областной администрации. Сережа сразу ее узнал, заулыбался, даже за плечи приобнял на какое-то мгновение, как родную. Тамара тогда только отметила, что из долговязого парня он превратился в очень представительного мужчину.

– Ты откуда его знаешь? – спросила у нее Светка Милова, приятельница из соседнего отдела.

– Бабки моей сосед. Ничего мужик, правда?

– Угу. – Светка как-то странно на нее посмотрела. – Он может нас всех тут купить. Только мы ему на фиг не нужны.

– Он что, богатый? – удивилась Тамара. Странно, ведь к бабке она ездила часто и Сережу встречала часто, а видела в нем только захолустного провинциала.

– Да уж не бедный, – засмеялась Светка. – Я бы от такого не отказалась, даже если бы он уродом был, а он вон какой… Красивый.

Красивым Сергея назвать можно только с некоторой натяжкой, обычный мужик, крепкий, с хорошей фигурой и простецким лицом. Впрочем, тогда для нее красивым был только один человек – Иван Болотников, Тамарин начальник и смысл ее жизни.

Тамара решила рассматривать Сергея как запасной вариант. Считала, дура, что в момент отобьет его у любой деревенской клуши. Она была уверена, что заинтересоваться Сережа может только своей, местной. Чувствовала, что никакая столичная красотка ему на фиг не нужна, будь хоть «Мисс мира», хоть нобелевская лауреатка. Конечно, в жизни всякое бывает, но все-таки к столичной публике тянет тех, кто метит в столице остаться, а Овсянникову и здесь неплохо. Сейчас Тамара больше всего жалела времени, потраченного на Ивана.

В Болотникова она влюбилась сразу и так сильно, что превратилась в настоящую дуру. Он был «блатным», естественно, другие в администрацию не попадали, во всяком случае, на руководящие должности. Потом она узнала, что его отец подвизался где-то в строительном бизнесе, выдающихся капиталов не нажил, но полезными знакомствами оброс.

Иван был красив по-настоящему грубой мужской красотой. Еще он был безукоризненно одет, безукоризненно вежлив и по-старомодному учтив с дамами.

Она получила Ивана, почти не прилагая к этому усилий, и прожила два счастливых года, пока вдруг не поняла, что Иван глуп, труслив и жаден.

Дурак и ничтожество.

Конечно, слабости своего любовника Тамара видела и раньше, но даже пользовалась ими. Он был нерешителен, и Тамара решала за него. Он долго колебался, и Тамара убеждала его принять нужное ей решение. На самом деле, ему требовалась няня, и Тамара с удовольствием справлялась с этой ролью.

Любовь прошла еще быстрее, чем возникла, в один день, когда она узнала, что Иван позволил впутать себя в передел собственности. Тамара была умнее своего возлюбленного и потому понимала, что эти игры смертельно опасны даже для людей по-настоящему сильных и решительных.

Для Ивана же, трясущегося после каждого «отката», игры эти были просто непосильными.

Тамара с удовольствием доела молодую картошку, вымыла посуду, надела купальник, взяла купленный недавно дамский роман и улеглась в гамак, привязанный в тени двух старых яблонь.

Читать было лень, она накрыла книжкой глаза и почему-то почувствовала, что план ее удастся. Ивана она любила сильно, даже самой удивительно. Только жизнь она любит гораздо больше.

Бабушкиного друга Николая Ивановича Лина застала в сарайчике, давно переделанном под мастерскую. Всю жизнь проработавший в милиции, Николай Иванович слесарничать любил и маленькую Лину когда-то учил выполнять нехитрую мужскую работу: гвоздь забить, стул починить.

– Ну наконец-то, – проворчал, обнимая ее, постаревший, ставший вроде меньше ростом Николай Иванович. – Я уж думал, ты не придешь.

– Это невозможно, – улыбнулась Лина, – чтобы я к вам не пришла. Откуда вы узнали, что я приехала?

– Работа у меня такая, все знать. Навыков еще не потерял. Как живешь? – Старик повел Лину в дом. – Давай-ка выпьем с тобой. Помянем бабушку. Ты что предпочитаешь, вермут покупной или наливку прошлогоднюю?

– Наливку.

– Как живешь, Лина? – Николай Иванович поставил на стол нехитрую закуску: колбасу, помидоры.

– В иностранной фирме работаю.

– Это я знаю, мама твоя говорила. А… вообще?

– А вообще плохо, – покачалась на стуле Лина. Она уже забыла свою детскую привычку покачиваться на стуле. – Буду с мужем разводиться.

Странно, что ей так легко говорить о своей неудавшейся жизни с посторонними людьми. Впрочем, какие же они посторонние?

– Есть из-за чего?

– Есть. Только объяснять не хочется.

– Ну, не хочется – не объясняй. Помянем бабушку.

Выпили из старинных стеклянных рюмок и помолчали.

– Столько лет прошло, а никак не привыкну, что нет Полины, – совсем как недавно Антонина Ивановна, признался Николай Иванович. – Я ведь бабку твою всю жизнь любил. Два раза к ней сватался, когда совсем молодые были и когда она вдовой осталась. Знала?

– Нет, – покачала головой Лина.

– Было такое дело, – вздохнул он и задумался. – Хоть она мне и отказала два раза, а ближе нее у меня никого не было. Да ты сама знаешь. Кто бы мог подумать, что она уйдет так рано… Мы с ней как раз накануне обсуждали, как бандюганы город поделили.

– Наш город? – удивилась Лина.

– Наш, конечно.

– А разве у вас тоже мафиозные войны были? – удивилась Лина.

– Ну, войны – не войны, а половить рыбку в мутной воде многим хотелось.

– Надо же! Расскажите, Николай Иваныч, мне очень интересно.

– Вот и Полину это интересовало. Группировки были две: Леньки Ковша, то бишь Леонида Ковшова, и Сереги Овсянникова. Ковшовские – обычная шпана, ларечников обирали, ни на что больше не годились. А у Сережки ребята посерьезней были, бывшие армейские, те фермеров прикрывали. И понемножечку городскую недвижимость к рукам прибирали. Сережа-то сейчас хозяин завода, знаешь?

– Слышала.

– Вот так. Хозяин завода и местная власть. Тогда какие-то трения между бандами происходили, но без крови, по-тихому. А потом труп Ковша в реке обнаружили, и Овсянников стал хозяином.

– Он убил? – ахнула Лина. – Ни за что не поверю. Этого не может быть. Сережа щенков бездомных на станцию кормить ходил каждый день, не мог он человека убить из-за того, что какие-то сферы влияния не поделили.

– Ну, что не мог, тут я с тобой не соглашусь, – усмехнулся старый милиционер. – Человек может много такого, что трудно предположить. Но он Ковша не убивал. Это точно. И никто из его компании тоже. Мы их алиби тщательно проверяли, все чисто. Они тогда караулили фермерские хозяйства.

– А кто же убил?

– Не знаю, Лина. Сам с тех пор голову ломаю. Ковша отравили, а утопили уже труп.

– Чем отравили?

– Снотворным. Не совместимым со спиртным.

– Так, может, он… сам?

– Вряд ли, – покачал головой Николай Иванович. – Ему снотворное без надобности при такой-то дозе алкоголя. Нет, Лина, убили Ковша. Только неизвестно, кто так для Сереги Овсянникова постарался.

– А когда это произошло?

– Труп нашли четвертого августа, а смерть наступила дня за два до этого. Летом, перед тем, как твоя бабушка умерла.

Бандита Ковша убили как раз тогда, когда Лина приезжала сюда в последний раз.

Она еще долго сидела со стариком и только уходя поинтересовалась:

– Николай Иваныч, вам бабушка про мой фотоаппарат ничего не говорила? Я его найти не могу.

– Ничего. А что, дорогой аппарат?

– Нет. Это я так. Ерунда.

Почему-то ей не давало покоя отсутствие фотоаппарата.

Лежать было скучно. Тамара сходила за плеером, сунула наушники в уши, опять улеглась в гамак и стала слушать музыку.

Неладное она почувствовала с месяц назад. Иван сделался задумчив, неразговорчив, ей улыбался загадочно и смотрел мимо. Она, конечно, решила, что он завел себе бабу. А что еще думать-то?

Сейчас ей смешно вспоминать свой тогдашний ужас. Ей казалось, она умрет без Ивана, и следить за ним она стала только потому, что очень хотелось убедиться – никакой бабы у него нет.

Тем роковым вечером Иван зашел в отдел, как обычно, делая вид, что по делу, подошел к ее столу и тихо прошептал в ухо:

– Я отъеду ненадолго. Дома встретимся.

Они уже давно жили «гражданским» браком. Тамара хотела брака настоящего, но Иван не спешил, а она не настаивала. Знала, что без нее, без ее опеки он и дня не протянет. Привык, что она с ним нянчится, как с младенцем.

Пока Иван садился в их «Опель», который они оставляли на служебной стояке, Тамара поймала бомбилу и спокойно доехала за ним до ресторана, где они изредка бывали. Выждала минут десять, тихонечко вошла в почти пустой зал и села весьма удачно, ее скрывала нелепая пальма в кадке, а спину Ивана она видела хорошо. Он долго сидел один и очень нервничал, менял позу, барабанил пальцами по столу. Тамара уже решила, что удачно начавшаяся слежка ни к чему не приведет, когда, в очередной раз подняв глаза, увидела рядом с Болотниковым мужчину.

Мужчину этого, Всеволода Валерьевича, она узнала через несколько минут, он изменился за те годы, что Тамара его не видела. В девяностые он руководил охраной рынка, на котором торговала мать. Школьницей Тамара бывала там почти каждый день. Мать добросовестно платила положенную сумму, охранников хорошо знала, и Тамара их знала, она уже тогда была наблюдательна и умела делать выводы. На рынке все было чинно, спокойно, охранники с Тамарой шутили, угощали конфетами, некоторые даже помогали ей с уроками. Училась она всегда с трудом.

Всеволод Валерьевич – правая рука настоящего хозяина рынка, о котором никто никогда не говорил, словно его и не существовало. В последние несколько лет Тамара на рынке почти не бывала, но знала, конечно, что хозяин уже давно почти олигарх, что мнение его для действующей власти является если не определяющим, то весьма значимым. А Всеволод Валерьевич по-прежнему является его правой рукой.

Можно было уходить, Иван ей не изменял, он просто ввязался в какие-то игры, о которых не сегодня-завтра сам же расскажет. Она с удовольствием съела салат, который до этого только поковыряла, подумала и заказала десерт: мороженое с кусочками фруктов.

Жизнь опять стала ясной, понятной, а Тамара влюбленной и счастливой. Если бы она ушла тогда сразу же, она и сейчас была бы влюбленной и счастливой.

Тамара доела десерт, наблюдая, как Всеволод Валерьевич без конца говорит с кем-то по мобильному, расплатилась и тихо вышла из пустого зала.

Еще одного человека, которого тоже почти забыла, она увидела, спустившись со ступеней ресторана. Но она не почувствовала ужаса.

О том, что забыла зарядить мобильный, Лина вспомнила случайно, и сразу пополз ставший привычным за последние годы вязкий страх. Она давно старалась ничего не забывать и ничего не упускать из виду, потому что любая ерунда вроде отключенного телефона могла вызвать самый настоящий скандал.

А ведь впервые Лина подумала о разводе год назад. Нет, еще не о разводе, только о том, что без Стаса ей лучше. Тогда они со Стасом поссорились как раз из-за отключенного телефона. Вернее, начали из-за телефона, а потом наговорили друг другу столько, что повод уже значения не имел.

У Лины разрядился телефон. Придя с работы, она сунула его в зарядное устройство, позвонила Стасу, но тот оказался недоступен, и занялась обычными домашними делами.

– У тебя отключен мобильный? – спросил муж, едва отперев дверь.

– Да, – крикнула она из кухни. – Разрядился. Я его заряжать поставила. Я тебе звонила, но ты, наверное, в метро ехал.

– Ты это специально сделала? – с тихим бешенством спросил Стас, раздевшись и войдя в кухню.

– Что сделала? – не поняла Лина. Вернее, поняла, конечно, только не хотела верить, что вместо тихого вечера после изматывающего трудового дня ее ждут еще более изматывающие объяснения.

– Ты ведь специально отключила телефон? Чтобы я поволновался, да?

– Стас, – устало произнесла Лина. – Ну что ты несешь? Зачем я стала бы отключать мобильный? Мне ведь не только ты звонишь, родители могли позвонить. Да мало ли кто.

– Значит, ради родителей ты можешь следить за телефоном, а ради меня нет?

– Знаешь, Стас, мне иногда кажется, что ты ненормальный. – Конечно, этого не стоило говорить, но она слишком устала на работе и ждала тихого вечера, поэтому и не сдержалась.

– Я? – усмехнулся он. – Наверное, если на тебе женился.

Он еще что-то говорил, и Лина говорила. Тогда и подумала впервые, как хорошо было бы дома одной, без него.

Тогда она не придала значения этой мысли. Они помирились, Стас просил прощения, и она просила, он вытирал ей слезы, обнимал, и вечер окончился вполне мирно.

Лина знала, что истериком в полном смысле этого слова Стас не является. Он был заботлив, не позволял ей носить тяжести, никогда не забывал поздравить ее с их семейными праздниками. Для кого-то он мог стать прекрасным мужем. Какая-нибудь «другая» в той же ситуации с телефоном кинулась бы ему на шею и сразу начала бы каяться, и он не стал бы разговаривать свистящим шепотом, и они провели бы прекрасный семейный вечер.

С Линой они ссорились постоянно. Может быть, потому, что по-разному смотрели на жизнь. А может, просто потому, что Лина никогда не любила Стаса так, как любила Костю.

Она приладила зарядное устройство на кухонном столе. Посмотрела в телефон – звонка от Стаса не было, и слава богу.

Ей не стоило выходить за него замуж. Просто тогда ей казалось, что она нашла свое счастье. И очень хотелось забыть Костю. Совсем забыть.

Лина поднялась на второй этаж – его пристроил папа, когда у родителей появились лишние деньги, лет десять назад. Нет, двенадцать. Бабушка утверждала, что размеры дома ее вполне устраивают, но родители настояли. Комнатные перегородки на втором этаже так и не сделали, частично перетащили туда старую мебель, но, как ни странно, получились несколько уютных уголков.

Здесь бабушка оборудовала себе нечто вроде рабочего кабинета. Заполняла счета, писала письма многочисленным подругам, школьным, институтским или совсем случайным, как тетя Римма, с которой она познакомилась на отдыхе в каком-то санатории.

Перерыв письменный стол, Лина в задумчивости постояла у окна. Если бабушка интересовалась тогдашними событиями, должны были остаться хоть какие-то следы этого интереса. Газеты, например. Родители из ее стола ничего не выбрасывали, папа несколько раз просил Лину, чтобы она разобрала бумаги. Родители вообще очень хотели, чтобы она продолжала считать бабушкин дом своим.

Она и считала. Только боялась увидеть Костю.

Лина спустилась вниз, на крыльце выкурила сигарету, переоделась из шортов в легкие брюки и блузку и отправилась в городскую библиотеку.

Готовить тоже было лень. Тамара опять сделала салат из огурцов и помидоров, достала из холодильника кусок колбасы, пожалела, что нет хлеба, и с удовольствием съела отличный обед для бедных.

Вообще-то готовила она хорошо. Во всяком случае, для Ивана очень старалась, блюда подавала не хуже, чем в ресторане.

Если бы она не увидела тогда у входа в ресторан Филина…

Про Филина Тамара узнала случайно, еще школьницей. Ошивалась у матери на рынке, любовалась новеньким мобильным телефоном – тогда они не у всех были. Ей мобильный подарил тогдашний материн «муж» дядя Шурик. Он вообще был самым лучшим из всех материных «мужей», Тамара очень хотела, чтобы он оставался подольше. Мать-то каждый раз надеялась, что очередной «муж» будет как у всех других, навсегда, но Тамара чувствовала – это ненадолго. Откуда у нее появилось такое знание, она и сама не понимала, но чутью своему верила.

Вообще-то у матери все «мужья» были неплохими, Тамару никогда ничем не обижали, да она и не позволила бы, поскольку дочку любила и матерью была хорошей. Может, права бабка, на роду им написано быть несчастливыми. Одинокими. А ведь красавицы, и мать, и бабка, и сама Тамара…

Тамара любовалась новеньким мобильником, а дядя Шурик – он работал в охране рынка – о чем-то разговаривал с матерью, прислонившись к прилавку с одеждой. Мать, как обычно, попеняла ему, чтобы не прислонялся, не загораживал прилавок от покупателей, когда мимо прошел незаметный паренек. Худенький, невзрачный. Тамара, хоть и была примерной девочкой, на молодых людей все-таки поглядывала и мечтала о мужчине крупном, сильном. Таком, чтобы все боялись.

– Филин, – прошептал дядя Шурик.

– Что? – не поняла мать.

– Тише! Потом, – оборвал ее Шурик, и Тамара насторожилась, он никогда на мать не покрикивал.

Поздно вечером, когда старшие думали, что Тамара спит, Шурик рассказал, что Филин этот киллер, причем киллер настоящий, на больших людей работает. Тамара не запомнила бы этого разговора, если бы в голосе дяди Шурика не расслышала по-настоящему тревожные нотки.

Дядя Шурик давно исчез из Тамариной жизни, а Филина у ресторана она узнала мгновенно…

Увидев его, Тамара совсем не испугалась. Шел Филин к Всеволоду Валерьевичу, потому что больше в зале просто никого не было. Ну и что? Мало ли за какой надобностью может встречаться бывший руководитель охраны с тем же Филином, или как там его зовут на самом деле?

В свое время обстановка на рынке была тихая, но Тамара уже тогда понимала, что тишина эта дается не даром, и это спокойствие обеспечивается чьими-то мощными интересами, и обо всем этом лучше не знать. Вот и сейчас существуют вещи, о которых лучше не знать.

Она поймала машину, обнаружила дома задумчивого Ивана и только за ужином, когда он наконец-то стал выкладывать ей события последних недель, почувствовала настоящий ужас. Глупенький, не знающий жизни ее возлюбленный взахлеб рассказывал, что они скоро разбогатеют. Надо только помочь нужным людям правильно оформить документы на завод Овсянникова. Ты о нем должна знать, говорил Иван, завод находится в городе, где бабка твоя живет.

Тамара Сережу Овсянникова знала с самого детства, поэтому молча поднялась из-за стола и стала не торопясь, спокойно собирать свои вещи.

– Ты что, Том? – не понял Иван.

– Я от тебя ухожу, – спокойно объявила она.

– Что?! – опешил он. – Ты с ума сошла?

– Я хочу иметь семью, – процедила Тамара, удивляясь, что от немыслимой любви не осталось ничего, сразу и навсегда.

– Тома… – Он не мог поверить в происходящее. – Томочка, ну давай поженимся!

Она ушла, не утруждая себя объяснениями. Да и что объяснять? Что он дурак и ввязывается в то, что ему не по уму? Что Сережа Овсянников, то есть Сергей Михайлович, не тупой браток-рэкетир и то, что ему принадлежит, просто так не отдаст?

То есть сначала она попыталась объяснить. Сказала, что в противозаконные игры ввязываться не станет ни за какие деньги, но Иван не понял. Стал утверждать, идиот, что им это ничем не грозит, нес какую-то чушь, ей даже слушать было противно.

Никто и никогда не даст ему денег, тем более больших, настоящих. Прихлопнут как муху или заставят всю оставшуюся жизнь отрабатывать бандитские подачки.

Ей так захотелось рассказать обо всем Сереже Овсянникову, рассказать и почувствовать себя в безопасности, что она поехала к бабке в тот же вечер.

Она только удивлялась, что так долго не пыталась поменять Ивана на Сережу.

Но вот с Сергеем так до сих пор и не встретилась.

За хлебом все-таки сходить надо. Тамара нехотя оделась, подкрасила губы – ненакрашенной она не ходила никогда и никуда – и отправилась в ближайший магазин.

Неожиданно Тамара почувствовала неприятный холодок – плохо, если Сергей узнает, что когда-то она отбила у Лины Костю. Конечно, все это дела давно минувшие, но сейчас Тамаре хотелось, чтобы Овсянников ничего не знал. Да он и не может знать, едва ли Полина Васильевна рассказала Клавдии, почему внучка ни с того ни с сего уехала, не успев приехать. Или рассказала?

Тамара купила восхитительно пахнущую буханку черного хлеба, не удержалась, отломила кусочек от корочки, съела и, перейдя на теневую сторону утопающей в зелени садовых деревьев улицы, медленно пошла домой.

Она отметила, конечно, что входная дверь оказалась открытой, но испугаться не успела, только удивилась – ей казалось, что дверь она заперла. Испугалась она через мгновение, когда сидевший на ее кухне Филин ласково произнес:

– Привет.

Библиотека почти не изменилась. Сделали ремонт, заменили книжные шкафы, но сама атмосфера тихого спокойствия осталась прежней, как при бабушке. Она раньше заведовала библиотекой, и Лина приходила сюда почти каждый день. Теперь заведующей стала бабушкина подруга.

– Здравствуйте. Антонина Ивановна работает сегодня? – обратилась Лина к сидевшей в углу за стойкой совсем молоденькой девушке.

– Работает, – кивнула та, разглядывая Лину, и хмуро спросила: – А зачем она вам?

– Я ее давняя знакомая.

– Линочка, – обрадовалась появившаяся из глубины книжного зала Антонина Ивановна. – Заглянула ко мне? Вот умница. Хочешь чаю? У меня есть пирожки и печенье, сама пекла.

– Спасибо, – отказалась Лина. – Жарко очень. Я печенье сухим пайком возьму. Антонина Ивановна, я у вас кое-что спросить хочу.

– Пойдем. – Новая заведующая провела Лину в кабинет, совсем не изменившийся, почти такой же, как при бабушке. – Столько лет прошло, а все-таки не хватает мне Полины. Поговорить не с кем, я да две молодые девчонки, вот и вся библиотека. Что случилось-то?

– Ничего не случилось, – успокоила ее Лина, присаживаясь за стол напротив нее. – Мне Николай Иванович сказал, что бабушка интересовалась вашими тогдашними событиями. Вам она ничего не говорила?

– Какими событиями? – не поняла Антонина Ивановна. – Она всегда всем интересовалась, и политикой, и вообще.

– У вас бандита какого-то там летом убили…

– А-а, было такое. Убили одного парня, я уже не вспомню, как его звали. Убийц, по-моему, так и не нашли.

– А бабушка с вами про это убийство не разговаривала?

– Разговаривала, наверное. У нас редко кого убивают, ты же знаешь. Но такого, чтобы она как-то по-особому этим интересовалась, я не припомню.

– Антонина Ивановна, можно я тогдашние газеты посмотрю?

– Смотри, конечно, – улыбнулась старая женщина. – У нас и ксерокс есть, печатай, если что заинтересует. Хочешь убийцу поискать?

– Сама не знаю, чего хочу, – призналась Лина.

Ничего нового из газет она не узнала. Труп Леонида Ковшова, предпринимателя, был обнаружен в реке рыбаками, убийц так и не нашли. Она зачем-то откссерила себе фотографию Ковшова, лицо вроде бы казалось знакомым. Впрочем, у нее плохая память на лица.

С Костей она столкнулась, едва выйдя из библиотеки, и по дороге к дому опять почувствовала, как тягостно с ним молчать.

– Ты когда уезжаешь? – не выдержала Лина.

– Это зависит от тебя, – задумчиво произнес он. – Я без тебя не поеду.

– Костя, – попросила Лина. – Перестань. Это невозможно, и ты прекрасно это понимаешь.

– Почему? – Он остановился и одной рукой повернул ее к себе. – Я люблю тебя. И ты меня любишь. Почему мы не можем начать все сначала?

Еще совсем недавно Лина была уверена, что, несмотря ни на что, любит Костю и будет любить вечно. Теперь она так не считала.

– Сейчас мы с тобой совершенно чужие люди.

– Я люблю тебя.

– Нет, – уверенно произнесла Лина. – Не любишь.

– Откуда ты знаешь? – криво усмехнулся он.

– Знаю.

Любил бы, не стал бы ждать столько лет, давно приехал бы в Москву и сделал все, чтобы она его простила. Во всяком случае, попытался сделать.

– Я не мог к тебе приехать. – Он так и не разучился угадывать ее мысли. – Мне было невыносимо видеть тебя замужней.

– Хватит, Костя. Не надо. Я тебя прошу. – Лина остановилась, взявшись рукой за собственную калитку.

– Пойдем на речку?

– Я уже купалась сегодня.

– Ты поэтому не ходишь со мной купаться?

– Что? – не поняла Лина.

– Ты не ходишь со мной купаться, чтобы показать мне, что мы чужие люди? – Сейчас он поразительно напоминал ей Стаса. То же выражение глаз, тот же наклон головы. Те же слова.

– Я хожу на речку одна, – терпеливо объяснила Лина. – Потому что люблю купаться утром, до жары, а ты любишь поспать. Раньше любил, во всяком случае. А я привыкла жить, не сверяя с тобой свои поступки. Извини, если тебя это обидело. Пока, Костя.

Лина толкнула калитку и, не оглядываясь, пошла к дому.

– Привет, – повторил Филин. – Заходи и закрой дверь.

Тамара прикрыла дверь, переступив непослушными ногами, и почему-то со злостью подумала о Лине – та на ее месте, наверное, упала бы в обморок от ужаса, и ей было бы не так страшно, как сейчас Тамаре. И вообще, к Линке никакой Филин никогда бы не пришел, она киллеров только в кино видела, а на рынок ходит лишь покупать продукты и знать не знает, что значит стоять за прилавком в любую погоду.

– За хлебом ходила? – Филин посмотрел на целлофановую сумку с торчащей из нее буханкой. – Это хорошо, я без хлеба есть не люблю.

Он шел за ней от самого вокзала, слабо маскируясь, и не сразу понял, что ему наблюдать за ней приятно – девка была по-настоящему красивой – и почему-то даже весело. Это было совершенно ненужно и даже очень опасно, Филин попробовал призвать себя к порядку, но не смог. Сейчас ему тоже было приятно и весело на нее смотреть.

«Он не убьет меня, – почему-то подумала Тамара. – Сейчас точно не убьет».

– Садись, что ты в дверях застыла?

Тамара с трудом, как старушка, передвигая ноги, подошла к столу, поставила сумку с хлебом, помедлила и села напротив Филина.

– А почему ты не спрашиваешь, кто я? Ты меня узнала, золотце?

Тамара кивнула, сглотнув слюну:

– Нет. То есть да. Я видела вас недавно… у ресторана «Долма»… Это не здесь…

Он прикрыл глаза – помню, что не здесь.

Пусть он думает, что ей ничего о нем не известно. Только бы не догадался, что она знает о нем со времен дяди Шурика.

Лицо у него было самое обычное, даже не злое. Она цепенела от ужаса, глядя на его лицо.

– И сразу запомнила? – усмехнулся он.

– Да. У меня хорошая память на лица. Я занималась рисованием. – Это была и правда, и неправда, она действительно когда-то ходила в художественную школу, только особой памятью на лица никогда не отличалась.

– Что же ты делала в ресторане «Долма»? И как оказалась в этом городе? Рассказывай, рассказывай, золотце. Подробно, время у нас есть.

– Следила за своим женихом, – буркнула Тамара. – У меня жених, Иван Болотников, мы с ним работаем вместе.

Филин кивнул – знаю про такого.

– Я думала, он девку завел, проследила за ним, а он в ресторане с каким-то мужиком встречался. Вот и все. Я успокоилась и решила поехать домой. А когда выходила, вас встретила.

Филин хмыкнул и покачал головой. Тамаре показалось, что он ей верит. Впрочем, она говорила истинную правду.

– Ну, а здесь ты как очутилась?

– К бабушке приехала. У меня бабушка здесь живет.

– Не зли меня, золотце, – укоризненно попросил он. – Рассказывай.

– Я не хотела во все это впутываться. – Тамара подняла на него глаза и вздохнула. – Мне Иван все рассказал, ну… что у Сергея Овсянникова нужно завод отобрать. Я Сережу с детства знаю, он ничего своего просто так не отдаст. И жениха своего знаю, у него против Овсянникова никаких шансов. Вот я и уехала к бабушке от греха подальше.

– А к Овсянникову вчера зачем ходила? Предупредить решила?

Тамара кивнула.

Не зря она обратила вчера внимание на черную «Тойоту» у дома Сережи. Впрочем, машина могла и случайно там оказаться, наверное, у Филина есть свои методы наблюдения.

– Занятно, – усмехнулся он. – Ты ведь меня утром на площади узнала?

– Нет, – соврала Тамара. – Сначала не узнала. Лицо показалось знакомым. Потом вспомнила, что видела вас недавно у ресторана, когда за Иваном следила.

– Ну ладно. – Кажется, он поверил. – На площади что делала?

– Бабушку провожала. Она в областную больницу поехала.

– Надолго?

– Как получится. Ее на обследование направили. Дня на три, наверное. Не знаю.

– Бабуля твоя, если вернуться надумает, позвонит?

– Да, – заверила Тамара. – Обязательно. Она с вещами, ее встретить нужно будет.

– Ну и отлично, – подытожил Филин. – Я вот рисованием не занимался, а тебя тоже сразу узнал. Причем узнал еще на площади. Овсянникова сейчас в городе нет, но приедет он со дня на день. И придется тебе, золотце, его сюда привести.

– Но… – опешила Тамара. – А если он не захочет?

– Надо, чтобы захотел, – улыбнулся Филин. – Ты уж постарайся.

Осадок от разговора с Костей был таким же тягостным, как от ссор со Стасом.

Собственно, со Стасом она начала встречаться, потому что он казался ей похожим на Костю. Нет, не только поэтому. Еще потому, что больше у нее никого не было.

И всегда подсознательно чувствовала, что виновата перед ним.

Лина бросила на кухонный стол файловую папку с фотографией Ковша, включила электрический чайник, который появился уже после смерти бабушки, и тупо уставилась в окно.

Она познакомилась со Стасом через год после своего бегства от Кости. У нее была очередная производственная практика, она пришла в незнакомый НИИ, в незнакомый научный коллектив, все там казались ей страшно умными и взрослыми, и она почти не обратила внимания на молодого инженера, скупо улыбающегося ей в лаборатории.

Потом они вместе разбирались в только что смонтированной установке, то есть разбирался Стас, она-то почти ничего не понимала, и он терпеливо ей объяснял. Тогда он и напомнил ей Костю. Не внешне, хотя они оба были высокими и стройными, сероглазыми и светловолосыми. Напомнил скупой улыбкой, некоторыми словечками, снисходительным к ней отношением, грубоватой заботой.

«Одежку не забудь», – говорил ей Костя, когда они шли вечером гулять, и она послушно брала кофту, замирая от счастья.

«Накинь что-нибудь, – говорил Стас, – холодно под вытяжкой». Лина накидывала ветровку, под вытяжной вентиляцией действительно сквозило.

Потом Стас проводил ее домой, потому что шел дождь, а у нее не было зонта. А потом ей стало казаться, что она нашла свое счастье.

Тогда она еще не знала, что счастье очень скоро превратится в тоскливую цепь непонятых претензий, долгих объяснений и чувства постоянной вины.

Она сразу дала себе слово, что не будет сравнивать Стаса с Костей.

Но постоянно их сравнивала.

– Принимай товар, – говорил ей Стас, приходя из магазина с продуктами, и отодвигал ее одной рукой, когда она пыталась его обнять. Она мешала ему

раздеваться.

Костя откликался на каждое ее движение. Он целовал ее, не сняв мокрую куртку, весь вымокший под проливным дождем, пока бежал к ее дому. Они тогда собирались в кино, но так и не пошли из-за того же дождя…

– Лина!

– Тетя Клава, – обрадовалась она, заметив соседку, когда та уже поднималась по крыльцу.

– Ты бы, Лина, вишню обобрала, – села на стул соседка. – Падает ягода. Хочешь, помогу? Все равно делать нечего на пенсии-то.

– Ну что вы, я сама. У вас свой сад вон какой огромный.

– Ну смотри. А то мне ведь в радость тебе помочь.

– Спасибо. Завтра соберу ягоды и сахар куплю на варенье.

– Что это у тебя? – Тетя Клава взяла старую газетную копию, посмотрела и опять положила на стол. – Сережку моего тогда затаскали. Я, Лина, сына не оправдываю, честно денег, таких как у него, не заработаешь. Но убить-то он никого не мог, ты же его знаешь.

– Конечно, не мог, что за глупость? – Лина заварила чай и поставила на стол купленное вчера печенье.

– Вот именно, глупость. А Николай Иваныч считает, что это он бандита этого, Ковшова, убил. Хорошо, что Сережки в тот день в городе не было и его сотня людей видела, а то бы засадили парня.

– Ну что вы, теть Клава. – Лина разлила чай в бабушкины чашки. – Николай Иваныч умный человек, никогда бы невиновного не обвинил.

– Ладно, бог с ними. – Соседка взяла чашку, отпила – горячо, и опять поставила.

– Теть Клава, вы не знаете, куда бабушка могла фотоаппарат положить? – Лина тоже отпила чаю и тоже поставила чашку – горячо.

– Фотоаппарат? Какой?

– Я тогда… – Лина смутилась. – В последний раз… Фотоаппарат привезла, мы с бабушкой еще друг друга фотографировали. Теперь не могу найти. Она вам ничего не говорила?

– Нет. Не говорила. – Соседка пытливо посмотрела на Лину. – А дорогой аппарат-то?

– Нет. Не в этом дело. Неважно, это я так…

– Я завтра к сестре собираюсь. В деревню. Дня на два… – сообщила соседка.

Лина помнила, что у тети Клавы в недалекой деревне живет сестра, и даже помнила, что ее зовут Надей.

И опять Лине показалось, будто время повернуло вспять, так уютно и спокойно они разговаривали с соседкой. Ей даже показалось, что она сама становится немного другой, почти такой же, как когда у нее еще был Костя.

Соседка ушла, когда уже стало смеркаться.

– Не сиди как на похоронах, – хмыкнул Филин. – Давай поужинаем, я есть хочу. И не бойся, я тебя не обижу.

– Овощей набрать на огороде можно? – поднимаясь со стула, робко спросила Тамара.

– Конечно, – кивнул он. – Даже нужно. Что ты спрашиваешь? Ты же у себя дома, хозяйка. А я твой гость.

Я могу убежать, уговаривала себя Тамара, срезая огурцы на длинной грядке.

Она знала, что не убежит – ноги плохо слушались, как в страшном сне. Нужно было думать, как спастись, а в голове противно звенела пустота.

Открыв банку тушенки, Тамара вывалила содержимое в кастрюлю, высыпала туда же очищенную картошку и поставила на плиту, нарезала овощи, заправила маслом салат, достала из холодильника колбасу, и Филин стал таскать кусочки из-под ее ножа, не дожидаясь, пока она сложит их на тарелку. Все выглядело очень мирно, по-домашнему. И это заставляло ее еще больше цепенеть от ужаса.

– Бросить решила Болотникова?

Тамара кивнула, потыкала картошку тупым ножом и навалила Филину полную тарелку импровизированного жаркого.

– А сама чего не ешь?

– Не хочется. – Она присела на краешек стула, подумала и взяла кусочек колбасы.

– А почему? Зачем бросать-то? Парень Болотников видный, не бедный.

– Объясняла же, – пожала плечами Тамара. – Сергей Овсянников… Иван слаб против него.

– И ты решила на сторону сильного переметнуться?

– Угу. – Она съела колбасу и потянулась за вторым куском.

– Вот тут ты ошиблась, золотце. Иван твой, может, и полный ноль, но люди за ним стоят серьезные. Покруче Овсянникова. Так что сделаем дело, и возвращайся к своему Ивану.

«Он меня успокаивает, – отстраненно подумала Тамара. – Он меня убьет».

– Спасибо, – чуть отодвинул опустевшую тарелку Филин. – Очень вкусно, правда. Давай теперь чайку.

Убирая со стола грязную посуду, Тамара чувствовала, что в голове больше нет звенящей пустоты. Теперь она знала, что делать.

Чай для Филина получился крепкий, душистый, она сама такой любила.

– А сама что, не будешь? – удивился он.

– Я не пью на ночь чай. То есть пью, только травяной. – Тамара залила кипятком аптечный пакетик с успокаивающим чаем.

– Ну как знаешь, – с сомнением покачал он головой. – Если тебе это нравится…

Все получилось так просто, что она боялась этому поверить. Подсыпать в заварной чайник бабкиного снотворного оказалось совсем легко.

Он сейчас заснет, уговаривала себя Тамара. Он заснет, и все кончится.

Разбирать бабушкины бумаги было грустно, но вместе с тем занятие это отчего-то успокаивало. Лина сложила все письма в найденную здесь же, на втором этаже, коробку. Коробка была необычная, оригинальная, несмотря на пошлых ангелочков на крышке, то ли бабушка пожалела ее выбросить, то ли мама. Лина поставила коробку в угол и принялась за ежедневники. Ежедневники бабушка любила, заранее отмечала в них дни рождения людей, которых необходимо поздравить, составляла списки продуктов, которые нужно купить, отмечала «благоприятные» и «неблагоприятные» с астрологической точки зрения дни. К астрологии она всегда относилась серьезно и с юмором одновременно, а заодно опасалась понедельников, пятниц и тринадцатых чисел.

В открытое окно залетела серая ночная бабочка, стала биться о плафон настольной лампы. Лина выключила лампу, постояла у окна, глядя на темный сад, и неожиданно подумала о недавнем попутчике, с которым дважды сталкивалась у речки. Думать о нем было отчего-то радостно, и очень хотелось встретиться с ним завтра.

Бабочка перестала шуршать крыльями. Лина вернулась к столу и, опять включив лампу, принялась листать ежедневник.

На странице за второе августа взгляд замер случайно, Лина даже не сразу поняла, что это как раз день ее несчастливого приезда. Очень уж странным показался написанный бабушкиной рукой текст: «Тележка? Тележка!» и еще несколько раз «Тележка!».

Лина поразглядывала ровные буквы. Глупость какая.

Долистала ежедневник и опять вернулась ко второму августа. Глупостей бабушка обычно не писала.

В тишине, какой никогда не бывает в Москве, телефон заиграл громко и тревожно.

– Да, Стас, – ответила Лина, мельком взглянув на дисплей.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Мне нечего сказать. – Лина поудобнее перехватила телефон и откинулась в кресле.

Голос мужа показался ей измученным, усталым, захотелось заплакать от жалости к нему, к себе и ко всей их неудавшейся жизни.

– Приезжай, Лина. Здесь отдохнешь. Когда я вернусь, нормальную путевку быстро точно не найдем, и будет у нас потерянное лето. Приезжай. Мне плохо без тебя,

– Тебе плохо со мной, Стас, – мягко поправила Лина.

– Ты меня не любишь?

Конечно, она его любила. Не так, как когда-то Костю, но любила. Беспокоилась о нем, переживала за него. Но… вместе они несчастны, и с этим ничего нельзя поделать.

– Стас, ты помнишь, как мы расстались?

Расстались они ужасно. Ей пришлось задержаться на работе, они сдавали заказчикам новую систему, Лина не могла уйти, пока не проведут все запланированные испытания, и едва добралась до дома, когда Стасу уже нужно было уезжать. У подъезда ждало такси, Лина поехала вместе с мужем в аэропорт, всю дорогу слушая, что она специально треплет ему нервы, что она его ненавидит, что ей наплевать на него и она вышла за него замуж, потому что не нашлось другого дурака, который бы на ней женился.

Любая другая обязательно его проводила бы.

Любая другая собрала бы его вещи.

Любая другая ценила бы такого мужа, как он, отправляющегося к черту на рога, чтобы заработать для нее денег.

Сначала Лина пробовала возражать, потом оправдывалась, потом тихо плакала. Затем, уже у таможенной стойки, молча глядела ему вслед, он так и не поцеловал ее на прощание, даже не обернулся, отлично зная, что она не уйдет, пока он не скроется за спинами отправляющихся на посадку людей.

Он неделю не отвечал на ее звонки.

– Ты же прекрасно знаешь, что я не могла прийти раньше. Не могла.

– Любила бы, смогла бы.

– Стас, ну ты же не дурак. Я не могла уйти, пока идут испытания. И ты это понимаешь. Зачем ты устроил весь этот балаган? Ну зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniya-gorskaya/vse-my-tol-ko-gosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить